

Андрей С. Голышков

КЛИНКИ КЕРИТОНА

Свитки Тэйда и Левиора

Дорога на
Эрфилар

Андрей Гольшков

**Клинки Керитона (Свитки Тэйда
и Левиора). Дорога на Эрфилар**

«Издательские решения»

Гольшков А. С.

Клинки Керитона (Свитки Тэйда и Левиора). Дорога на Эрфилар /
А. С. Гольшков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749862-7

1164 год от рождения пророка Аравы, предсказавшего, что Ганис ждут великие беды. И да, конец близок. Это не зло, не тьма, не происки обезумевшего мага... Это то, что нельзя предотвратить. Это хаос, это смерть! Один из магов — Маан са Раву — пытается собрать пять волшебных камней, по преданию уже спасавших мир во время предыдущего катаклизма. Он отправляет своего сына Тэйда за одним из камней. За юношей, являющимся потенциальным магом с неограниченными возможностями, идёт охота. Тэйд вынужден бежать.

ISBN 978-5-44-749862-7

© Гольшков А. С.
© Издательские решения

Содержание

Книга I	6
Пролог	8
Начало лета. 1147 год от рождения пророка Аравы	8
Часть I	11
Глава 1. Два Пня	11
Н. Д. Начало осени. 1164 год от рождения пророка Аравы	11
Глава 2. Крэч Древорук	15
Глава 3. Лис и Ягнёнок	22
Глава 4. Тилриз	39
Глава 5. Побег	47
Глава 6. Таррат	51
Глава 7. Гевер	57
Н. Д. Начало осени. 1164 год от рождения пророка Аравы	57
Глава 8. Узун	62
Глава 9. Шод Лас-Орубб	68
Глава 10. Хорбутовы зёрна	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**Клинки Керитона
(Свитки Тэйда и Левиора)
Дорога на Эрфилар**

Андрей Сергеевич Гольшков

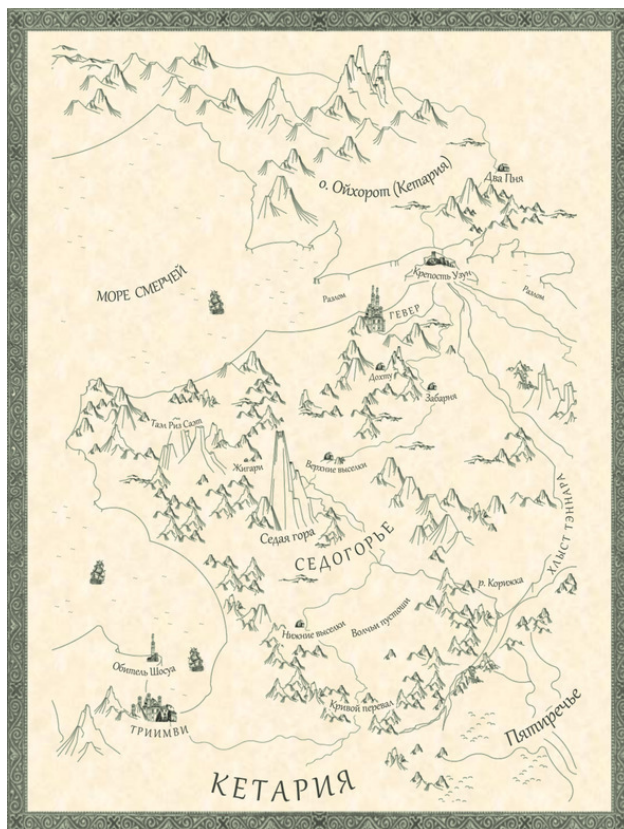
© Андрей Сергеевич Гольшков, 2017

ISBN 978-5-4474-9862-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I

Свитки Тэйда и Левиора

Седогорье

Отколотые острова

Пролог

Начало лета. 1147 год от рождения пророка Аравы (6884-й по Календарю Кироффе от начала Сид¹ Лайса) Зарокийская Империя. Оррикирин

Мрачные, штормовые тучи затянули небо над Оррикирином. Над замком нависла непроглядная темень. Хлынул ливень, темноту вспороли огромные ветвистые молнии, удары грома становились всё чаще и громче.

Леди Силана, молча стояла на балконе, вовсе не собираясь уходить. Яркие вспышки освещали пространство перед воротами замка. Там, внизу, кипела битва. Свистели стрелы. Осаждавшие неистовствовали: орали, размахивали копьями и кривыми мечами; осыпали ошетилившуюся сталью стену замка джиридами. Гремели боевые медные трубы ротраны. Сааум-ахирцы пели воинственную песню, готовясь к решающему штурму. В блеске молний на их кожаных шлемах и щитах сверкало изображение вставшего на задние лапы варана – прародителя.

Войско шло на приступ.

Словно стая саранчи, сааум-ахирские воины за считанные мгновения преодолели казавшиеся неприступными насыпь и заполненный водой ров и теперь стремительно приближались к воротам. Защитники замка встретили их тучей стрел и болтов. Толпа нападавших не дрогнула – громче прежнего взвыли ротраны, и воодушевлённые их низкими протяжными звуками воины хлынули в атаку. Они бежали вперёд, укрываясь от стрел небольшими круглыми щитами. Со стен летели валуны и горевшие, пропитанные маслом войлочные шары, лилась кипящая смола, но на место каждого поверженного тут же вставало трое. Под стеной росли груды трупов, по ним карабкались озверелые люди, которым не было конца. Защитники Оррикирина бились из последних сил. Копья их были изломаны, колчаны давно опустели, мечи иззубрились и затупились.

Толпа нападавших расступилась, пропуская к воротам массивный, напоминавший чешуйчатое тело варана клин, состоявший из воинов, прикрывавшихся от ударов сверху большими ромбообразными щитами. Под ними укрывались два больших окованных железом тарана. Наконец, клин достиг ворот, и они содрогнулись и затрещали, принимая на себя хлесткие, размашистые удары гигантского била.

Сверкнула молния, и Силана поняла, что ворота не выдержат и вот-вот поддадутся. Поняла, что судьба отвернулась от неё.

«Только бы успеть!»

Она бросила последний взгляд вниз и вернулась в комнату.

Тут же сокрушающий удар грома оглушил её, стены угрожающе затрещали. Силана ощутила, что башня начала шататься. На стенах проступили трещины, сверху посыпались пыль и камень.

У неё оставалось очень мало времени. Остановить придворного мага Маана са Раву, исполнявшего волю господина Генира и судя по всему уже запустившего ритуал саморазрушения замка, она не успеет. Оставалась одна надежда: спасти дочь – Кинию и Тэйдара – сына

---

¹ Сид – промежуток времени (сидерический период), в течение которого какое-либо небесное тело-спутник совершает вокруг главного тела полный оборот. В данном случае Сид – Эпоха, время когда Ганис (наша планета) обращается вокруг Лайса.

господина Генира, (находившегося сейчас внизу, и руководившего державшимися ещё, возможно, у врат, защитниками) а может спастись и самой.

Силана быстро шла по коридору, её пепельные волосы развевались, переливаясь серебром в свете молний. Проходя мимо распахнутой настезь двери кухни, она остановилась. Внутри никого не было. Повсюду на столах и скамьях валялись брошенные второпях продукты, ножи, горшки, сковороды. Врывавшийся в открытое окно ветер качал над огнём раскалившийся докрасна котелок. Волю звать не было никакого смысла – времени оставалось совсем мало. Она схватила две стоявшие на скамье корзины, попутно вытряхивая их содержимое. На пол полетели яйца, посыпались сладкий каштан и кунжутные семечки. Тут же, на столе, лежали приготовленные для разделки сыры, колбасы и внушительных размеров окорок. Силана бросила в большую из корзин: половину буханки ржаного хлеба, круг колбасы и кусок сыра. Пытаясь сообразить, не понадобится ли ей что-нибудь ещё, окинула столы беглым взглядом: «Вроде всё». Стремительно вышла в коридор.

Через десяток шагов леди Силана повернула за угол и оказалась перед невзрачной, еле заметной дверью. Войдя, она осмотрелась и поняла, что в комнате она не одна. У открытого окна, не обращая внимания на вой ветра и бившиеся в истерике шторы, стоял Гормух – слуга господина Генира. Гром грянул над самой его головой. Яркие молнии сверкнули в окнах.

– Что ты здесь делаешь, Гормух?

– Г-госпожа Сил-лана, – заикаясь от неожиданности, пробормотал слуга, – Вола велела мне присмотреть за детьми, пока её не будет.

– А где она сама?

– Я не з-знаю, госпожа Силана.

– Тогда мне нужен ты!

– К вашим услугам, моя госпожа, – приободрённый властным голосом Силаны Гормух, наконец, оправился от испуга.

Силана достала из небольшой, украшенной серебряной филигранью шкатулки пару изящных подвесок. Склонилась над кроваткой, где в уютном гнездышке из овечьих шкур лежали Киния и Тэйдар. Она осенила их святым тревершием, вложила подвесы в складки ткани и, поочерёдно поцеловав детей, переложила в корзины. Сняла с пальца перстень с алым рубином, рывком сдёрнула с шеи ожерелье, из сверкающего всеми цветами радуги крисаральского когтя, добавила к ним тугой кожаный кошель из шкатулки и протянула Гормуху.

– Возьми, пригодится.

Слуга, не задавая лишних вопросов, принялся рассовывать всё по карманам.

Силана вынула из шкатулки овальный металлический предмет, похожий на большое щербатое яйцо, поверхность которого была покрыта диковинными знаками обрамленных вязью узоров. Вполголоса она прошептала заклятие и, едва касаясь яйца ногтем указательного пальца, провела линию от его макушки до середины. Яйцо стремительно начало уменьшаться в размерах, и уже через несколько секунд превратилось из большого «страусиного» в маленькое, невзрачное «перепелиное». Силана поднесла его к глазам и, будто пытаясь проникнуть взглядом сквозь толщу скорлупы, пристально взирала на него с минуту, затем аккуратно положила сбоку от улыбавшейся Кинии. После с не меньшим благоговением достала из шкатулки бирюзовую призму из горного хрусталя и сунула её в корзинку к малышу Тэйдару.

– У моря нас ждёт лодка. Мы должны попасть в Сумат как можно скорее. Маан са Раву поедет туда. Если его не будет, а со мной что-то случится, найдёшь Динна Сантора, расскажешь ему всё, что здесь произошло. Он отвезёт тебя в Кнэтирию, там вас точно никто искать не будет. Динн же подскажет, что тебе делать дальше, и позаботится о детях.

Силана взяла большую из корзин – с мальчиком – и подала слуге:

– Смотри, неси аккуратнее.

– Да что же я, госпожа Силана, не понимаю, что ли! – пролепетал Гормух, дрожащим от волнения голосом, принимая из рук госпожи бесценную ношу.

Вторую корзину с Кинией Силана взяла сама. Но тут её внимание привлекла стоявшая на столе небольшая, оправленная в палисандр и рог миниатюра, изображавшая её с дочерью на руках. Она отставила корзинку, взяла миниатюру и спрятала за пазуху. Верно вспомнив о чём-то, разворошила разбросанные в беспорядке по столу бумаги, быстро просматривая каждый листок и отбрасывая на пол ненужные. Затем свернула из бумаги трубку, зажгла её от свечи и бросила на стол, в гору свитков, которые тут же занялись огнём. Открыла створку шкафа, скинула несколько книг и стащила с полки полную охапку свитков, и швырнула на пол. Затем взяла с полки бутылку зелёного стекла, выдернула зубами пробку и с размаху разбила об пол. Огонь взвился к потолку, облизывая деревянное колесо люстры. Вторая бутылка, поменьше, полетела вслед за первой и с грохотом взорвалась. Пламя лизнуло створку шкафа и перекинулось на гардину. Книжки и свитки начали чернеть, сворачивались и корчились, словно оживая. Последний раз взглянув на детскую кроватку, на пылавший стол, леди Силана отступила.

– Иди за мной, быстрее. Не отставай! – бросила она уже на ходу, застывшему в нерешительности Гормуху, и проследовала к стенному шкафу.

Силана нажала на потайную панель, скрытую за двойной поворотной створкой – шкаф беззвучно подался назад, открывая проход в едва освещённый коридор, ведущий к тайной лестнице.

«Ну же, быстрее!»

Когда они дошли до конца коридора, стены задрожали сильнее прежнего.

Они побежали вниз по винтовой лестнице. Силана остановилась лишь на секунду, сорвала с себя плащ и плотно, поверх корзины, укрыла своё сокровище – Кинию. Гормух последовал её примеру, укрывая щекастого Тэйдара.

Ударил гром. Узкое витражное окошко на площадке разлетелось вдребезги, рассыпалось, внутрь ворвались ветер и дождь. Со всех сторон доносился холодивший душу скрип. Прямо над ними треснул потолок, вниз полетели обломки перекрытия, щебень и пыль. В образовавшийся проём хлынула вода. Однако Силана, прикрикнув на замешкавшегося было Гормуха, уверенно продолжила путь вниз. Лестница дрогнула и начала крениться. Но они уже были близки к цели. Ряд коридоров, точнее естественных туннелей, уходили от небольшого круглого зала в разные стороны. Леди Силана остановилась. Лестница за спиной зловеще затрещала и медленно начала оседать. Земля затряслась под ногами Силаны. С пронзительным свистом рассекая воздух, сверху рванулась горящая балка. В спину ударило гудящее пламя. Пол вздыбился. Повсюду из щелей вырывались хищные, багряно-фиолетовые огненные языки. Она закашлялась от дыма, вскинула руку, указывая на правый, самый узкий туннель:

– Туда! – глаза слезились, от едкой гари саднило горло, сознание помутилось.

Часть стены обрушилась, каменные глыбы свалили Силану на пол.

Мир под ней провалился.

... В забытии она находилась совсем не долго. Когда очнулась, ещё не понимая толком, что с ней произошло, скорее, инстинктивно, попыталась нащарить руками корзину. Гормуха рядом не было. Киния, хвала Первым, была цела, она вывалилась из корзины и лежала рядом молча, хлопая ресницами, смотрела на мать. Нестерпимая боль пронзала всё тело Силаны, точнее верхнюю его часть. Ног, как впрочем, и всего находившегося ниже поясницы она не чувствовала.

«Что ты наделал, Маан?! Тэннар Великий, спаси мою крошку, молю!»

Собрав последние силы, она толкнула свёрток с Кинией в тёмный проем туннеля. И тут же сверху её накрыло лавиной камня, горевшего дерева и пыли...

Часть I

Глава 1. Два Пня

Уино (Сила или Благодать Сароса) – бесплотная всепроникающая субстанция. Обладает огромным потенциалом и пронизывает все, что нас окружает, поэтому источником энергии для заклинания может послужить любой объект способный его накапливать: вода, воздух, земля, растения, камень, металл и даже человеческое тело. Высвобождая Уино (обращаясь к нему) и смешивая с энергиями внутреннего и окружающего мира, маги получают поистине безграничные возможности.

Калав Мару. Природа Стихийных всплесков

Н. Д. Начало осени. 1164 год от рождения пророка Аравы Кетария. о. Ойхорот

Осторожно ступая по крутому каменистому склону, Тэйд спускался к дороге. Он ещё не видел её, но знал, что, как только минет нагромождение валунов, она появится, вынырнет, как всегда неожиданно, из тумана. Он уже начал различать её очертания, вернее очертания обрамлявших дорогу деревьев, но ещё раньше услышал мерный цокот копыт и печальный скрип колес. Туман, окутывавший низину, развеялся, и неожиданно из-за поворота прямо на Тэйда выкатила повозка: вначале неясный, похожий на тень силуэт, который по мере приближения обретал цвет, форму и детали.

Юноша стоял, укрытый пышным кустом куманики, и смотрел на повозку и на старичка, привалившегося спиной к мешкам. Смотрел до тех пор пока не понял, что ещё немного и тот проедет мимо. И лишь тогда решился, сделал глубокий вдох и вышел на дорогу.

Но как он до этого ни старался скрыть своё присутствие, живенький старичок опередил его:

– Добрый день, – весело произнёс он. – Здоровья и блага тебе, сынок. Куда путь держишь?

Старик натянул вожжи. Гнедая недовольно фыркнула, повозка, качнув бортами, остановилась.

Голову незнакомца украшала широкополая шляпа с клиновидным вырезом под трубку, из-под которой обрамлённые соломой седых волос на Тэйда взирали шустрые серые глазки. Тяжёлый, немного завалившийся вправо нос красовался парой мохнатых бородавок, а рыхлая, землистая с зеленцой кожа и изящные, в четыре фаланги пальцы, лишённые какого-либо намёка на ногти, не оставили Тэйду сомнений, что перед ним находился не кто иной, как представитель древнего народа онталар.

Тэйд сдержанно улыбнулся в ответ:

– Здоровья и блага, уважаемый. В Два Пня я иду.

Старик-онталар посмотрел на него с интересом и указал чубуком курившейся сизым дымком трубки на горы:

– Какие-то, сынок, странные ты дороги выбираешь. Перевалом Трёхпалого шёл? И что же, не испугался?

– Не испугался. А есть чего? – смутился Тэйд.

– Он ещё спрашивает. Голову открутить тому, кто тебе эту дорогу показал. Поди, не поведал, что за твари у Трёхпалого водятся?

– Нет, а что за твари, уважаемый?

Прежде чем ответить, старик с опаской огляделся по сторонам.

– Цоррб здоровенный по горам бродит, злющий. Залезай-ка в телегу, сынок, поедем отсюда... Меня Хабуа зовут, – назвался он и, видя, что юноша не спешит ответно представляться, незлобиво съязвил: – Коли тоже имя своё сказать надумаешь, так не стесняйся, у нас на Ойхороте за это не бьют.

– Тэйд са Раву, – спохватился юноша, забрасывая суму в повозку.

– Ну рассказывай, сынок, куда путь держишь?

Тэйд поёрзал, устраиваясь поудобнее среди мешков с мукой.

– В Два Пня, с другом я там встретиться должен.

Он продолжал крутиться, никак не находя удобного положения: попробовал опереться о борт, но повозку тряхнуло, рука скользнула вниз, и он, ударившись о поперечину боком, мгновенно ощутил привычную уже за многие годы боль в груди. Поморщился и, сделав вид, что хочет почесать лоб, прикрыл гримасу боли ладонью.

– Друг твой в Пнях живёт? – старик, казалось, ничего не заметил.

– Не, с севера едет. Из Иллионда.

– Из Иллионда? – присвистнул Хабуа. Онталар глубоко затянулся и, выпустив вслед за сизой струйкой два колечка, продолжил: – Думаешь, он в Пнях уже?

– Думаю, да.

Ехали они достаточно бойко, гнедая кобылка шустро перебирала ногами, и вскоре, почти на въезде в деревню, они нагнали небольшой караван, состоявший из шести тентованных телег и четырёх верховых охранников. Когда телеги поравнялись, Хабуа приветственно щёлкнул пальцем по краю шляпы и радостно воскликнул, обращаясь к богато одетому толстяку:

– Здоровья и блага, уважаемому Лимки ра'Тону!

– Здоровья и блага, – накатано отозвался толстяк, и лицо его при этом расплылось в добродушной улыбке. Несмотря на тучность, он привстал, натужно крякнув, и помахал им пухлой ладошкой.

– Заворачивайте в «Лиса», уважаемый Лимки, – раздавим за встречу по «мерзавчику»! – вводя гнедую в поворот, крикнул ему старик.

– Пренебреженно, уважаемый Хабуа, раздавим. Как без этого, – толстяк тронул возницу за плечо и, указывая направление, ткнул пальцем вслед удаляющейся повозке: – За ними давай.

Караван выворачивал к «Лису»...

***

Среди прочих сновавших возле трактира людей цепкий взгляд Тэйда выделил молодого, круглолицего онталара с простым тисовым посохом у колена и трубкой-калабашкой в зубах. На Саиме (а именно так онталара и звали) был простой серый балахон, который, пожалуй, знал и лучшие времена, а то и вовсе иного хозяина. Тэйд соскочил с повозки, и, сладостно потянувшись, кивком головы указал на молодого онталара.

– Вот он, красавчик! Хорошо хоть бороду сбрил, бродяга!

– Так это и есть твой друг? Я мог бы и догадаться, – крякнул старик, неспешно спускаясь наземь.

– Здоровья и блага, уважаемый Хабуа, – приветствовал его Саима. – Как там Узун, стоит ещё? Рад тебя видеть, Тэйд!

– Стоит Узун, стоит, что ему сделается? – Хабуа похлопал Тэйда по плечу и, как показалось юноше, пронюхивал за его реакцией.

«Неужели подметил, старый пройдоха, как меня на кочке трянуло?» – подумал Тэйд. Он схватил суму и направился навстречу другу.

– Ну не буду вам мешать, ребята, – бросил ему в спину Хабуа. – Пойду перекушу. Вечером жду вас в «Лисе», – он ткнул в сторону трактира трубкой. – Поговорим, эля выпьем.

Саима кивнул и ответил за двоих:

– Обязательно будем, – подойдя к Тэйду, молодой онталар осторожно приобнял его за плечи. – Ну, ты как? Держишься?

– Куда я денусь, – с обречённостью, давно ставшей привычкой, ответил Тэйд, улыбаясь.

– Болит?

– Немного. Ты-то как?

– Хорошо. А у нас с тобой, между прочим, есть одно дело.

– Да ну?! – Странно, но новость эта, признаться, несказанно взбодрила Тэйда.

– Пойдём, расскажу, – Саима интригующе поиграл бровями, из складок его капюшона выглянула забавная мордочка зверька пееро.

– Ой, – Тэйд встретился с любознательным зверьком взглядом.

– Знакомься, – улыбнулся Саима, – это мой пееро, его зовут Вир.

Зверёк наклонил голову и подвигал носом, приняхиваясь.

– Вир, это Тэйд, – Саима поднёс ладонь левой руки к лицу и через прореху (у него не было среднего пальца) взглянул на друга.

«Ах ты ж, беда какая, – внутренне содрогнулся Тэйд, представив себе процедуру „слияния“ будущего мастера магии со своим пееро. – Больно, поди, Саимке было. Хотя почему беда? Обычное для мага дело... для ученика мага».

– Ну же, киска, иди ко мне, не бойся!

– Он не киска, – возмутился Саима.

– Да знаю я.

Вир с любопытством оглядел Тэйда чёрными, точно угольки, глазками. Его серая с серебристым отливом гладкая шёрстка, украшенная тёмно-коричневыми полосами, переливалась и играла в ярком свете Лайса.

Любопытный зверёк перескочил на плечо Тэйда и принялся его обнюхивать.

– И давно вы...

– Два месяца как, – не дожидаясь конца вопроса, оборвал друга Саима.

– Что ж, поздравляю! Мастеру когтебоя не отдавал его?

– Рано ещё.

– Ты с этим не тяни – пееро должен уметь и за себя постоять и тебя, если что, защитить.

– Поучи меня ещё. Так-то я с ним занимаюсь, но это, конечно, не совсем то...

– А кольцо когда получишь?

– О! – отмахнулся Саима. – Года через три-четыре, не раньше, да и то если повезёт сдать экзамен с первого раза. И тест на совместимость с Виром пройду. От него сейчас Уино – кошке на лизок – ни о чём серьёзном и думать нечего.

– А если не пройдёте?

– Тогда ещё лет пять ждать.

– Строго. А без кольца тебе что можно?

– Ничего нельзя.

– То есть от тебя как от мага пользы не больше чем от этой колоды? – Тэйд ткнул мыском сапога в старое рассохшееся корыто, лежавшее у обочины.

– Хорошее сравнение. Выходит что так.

– Всё равно поздравляю. Сейчас ты гораздо ближе к званию мага, чем год назад. А с Виром как-нибудь друг к дружке да притрётесь. Выдаст тебе столько Уино, что знать не будешь, куда его деть.

– Спасибо, – с ревностью в голосе произнёс Саима, кивая на ластящегося к Тэйду пееро. – А ты ему понравился.

– Ещё бы! Ты-то, поди, обкурил его своим дешевым «горлодёром», вот он и не знает, как от тебя сбежать.

– Сейчас и тебя обкурю, идём уже! Проголодался?

– Есть немного.

Вир успокоился, и Тэйд, наконец, получил возможность осмотреться.

Они стояли под большой бронзовой вывеской, покачивавшейся на цепях. Выпуклая надпись гласила: «Лис и Ягнёнок». Одноимённые зверюшки возлегли в вальяжных позах по волнистому верху.

По прихоти мастера, изготовившего вывеску, хитрый и коварный Лис коротал время в обнимку с коляской колбасы и кусом ноздреватого сыра в лапах. Ягнёнок же, наоборот, был наивен и добр, что, впрочем, не мешало ему опрокинуть кружку-другую эля, о чём и свидетельствовали две большие баклажки с пенными шапками поверху, кои он с трудом удерживал в неверных копытцах.

Глава 2. Крэч Древорук

Феа – древняя раса Ганиса. Феа означает «стойкий». Коренастые, невысокие. «Необычайно сильны и выносливы, часто имеют вздорный характер. Из достоинств стоит отметить верность, возведённую в степень совершенства. Из недостатков главным из множества является безрассудность.

Слаабрант са Турно. Бытие и сущее

Къяльсо – разбойник, шпион, лазутчик, наёмный убийца.

Рио Бо. Формы и причуды. Гэмонтт-рам как искусство жизни

Дишоро – дерево, самое устойчивое к гниению. Древесина его обладает приятным запахом. Изделия из дишоро – эталон благополучия и хорошего вкуса. Цвет древесины – чёрный, бурый или коричнево-красный, цвет листьев – красный. Подвержено (охотно откликается) магическому воздействию, используется для создания денег, амулетов, оберегов, посохов и магических аксессуаров.

Слаабрант са Турно. Бытие и сущее

Когда неожиданные крики птиц за окном вырвали Крэча из цепких объятий сна, он понял, что накануне, дав силу эмоциям, совершил непростительную глупость и напился.

Произошло всё, как это часто бывает, вполне неслучайно. Естественно, была у него причина, и причина весома, но тем не менее...

Во рту у Крэча пересохло, руки дрожали, причём обе – дишоровая тоже, голова налилась неопишуемой тяжестью. Каждый вдох, равно как и выдох, отдавался неприятным гулом перекатывавшихся от уха к уху камней.

Перевернувшись со спины на бок, он заслонился рукой, укрывая воспалённые глаза от яркого света из окна...

Он – феа, Крэч из славного Рокодского рода Жауграттоков, торговец пряностями, живущий и ведущий дела в Досаре, изредка представлявшийся как Вассега Лосу, бывший къяльсо, ныне более известный под прозвищем Крэч Древорук, ещё толком не понимая, где находится, окинул комнату недоумённым взглядом...

Рядом с кроватью, на полу, стояли оплетённая тростником бутылка и две глиняные кружки: одна с отколотой ручкой, другая с торчавшей из неё деревянной вилкой. Они-то (кружки) и напомнили ему, что он, когда ложился спать, был не совсем один.

Крэч перевернулся на живот и запустил руку под овечью шкуру...

– Ну что ещё? Зачем ты меня разбудил?

Древорук откинул краешек покрывала, из-под которого на него выглядывали прелестные девичьи глазки. «О как! Сюрприз за сюрпризом», – подумал он.

А вслух спросил:

– Ты кто?

На данный момент это было всё, на что хватило его такта и счётки.

– Виретта, – назвалась прелестница. Она перевернулась на спину и изогнулась, вытягивая руки перед собой, а затем, отведя их вверх, якобы невзначай обвила шею Крэча. Притянула к себе и спросила с показным разочарованием: – Ты не помнишь меня, милый?

– Угу, – неуверенно промычал Крэч.

Даже ему самому было непонятно, что означает это «угу»: то ли то, что он помнит её, то ли совсем обратное. Он приподнялся и, подмяв под себя девушку, похлопал ладонью по одеялу за её спиной.

– Больше никого нет?

Она удивлённо посмотрела на него и, надув губки, недовольно буркнула:

– Никого.

– Это хорошо, – Древорук ловко выскользнул из её объятий и, перевесившись через край кровати, схватил одну из кружек. Покрутил её, заглянул внутрь, понюхал и, удостоверившись в отсутствии внутри живительной влаги, принялся оценивать содержимое бутылки, а затем и второй кружки. Вся тара, к его великому сожалению, оказалась пуста.

«Да уж, утро, как говорится, добрым не бывает!» – в очередной раз поразился он глубине народной мудрости и, превозмогая ломоту и тремор, сполз с постели.

Поход к зеркалу подтвердил самые печальные его догадки: он выглядел осунувшимся и усталым. Белки глаз, покрытые красными трещинами, тонули в сине-фиолетовых провалах, набрякли мешки под глазами, глубокие морщины пробороzdили лицо.

«Как же это меня так вчера угораздило?»

Всё ещё сомневаясь в реальности происходящего, он тщательно ощупал себя от пят до макушки и, удовлетворённый результатом обследования, облегчённо выдохнул – телесных потерь не наблюдалось, всё было цело и находилось на заведомо отведённых для этого местах. Затем он с особым тщанием осмотрел правую – деревянную – руку. Огладил кожу-кору кончиками пальцев и раздражённо скovyрнул народившуюся у локтя почку. Подцепил ногтем застывшее смоляное пятно на запястье и обнаружил под ним свежие раны – следы глубоких, до луба, ножевых порезов.

Подняв ладонь на уровень глаз, поработал пальцами, пытаясь восстановить утраченное сокообращение. Достигнув желаемого результата, довольно крякнул:

– Порядок!

И в который уже раз мысленно поблагодарил мастера РоГари – что ни говори, а рука вышла как настоящая.

Были, конечно, и у неё свои недостатки, как то: слабые чувствительность кисти и плохая подвижность в локте. Но и достоинств было не мало: во-первых, сила; во-вторых, выносливость. В-третьих, главное и неоспоримое – она (рука) у него была!!! Не какой-нибудь там железный крюк или дубовый дрын, а настоящая полноценная рука!

«Всяко её наличие гораздо приятнее отсутствия. Сухое дерево для растопки опять же всегда с собой».

– Тьфу ты, какая же чушь в голову лезет.

– Что ты сказал, милый? Тебе помочь? – томно отозвалась Виретта.

– Ничего не сказал. Лежи.

Закончив процедуры, он потянулся к стоявшему на каминной полке вазончику. Освободил его от пучка повядших ромашек и коротко вбросил сомнительное содержимое, не касаясь сосуда губами, прямым в глотку. Затем, повернув голову на бок, могуче выдохнул перегоревшим элем. Крякнул. Поморщился. И, передёрнув плечами, направился к окну.

– Кстати, милый, ты вчера обещал свозить меня в Триимви, помнишь?

«Кстати? Это кому как... Кому „кстати“, а кому и не очень!»

– Угу, – нехотя буркнул он.

– Свозишь?

– Считаю, что уже свозил.

– Постой-ка, это как понимать?

– Как хочешь, так и понимай. Отстань.

Поразительно, но вопросов больше не последовало.

Какое-то время Крэч шурился. Затем неистово моргал и, наконец, обретя всю полноту визуального восприятия, принялся вертеть головой по сторонам в поисках чего-либо, что напомнило бы ему о событиях предыдущей ночи. А когда память начала к нему возвращаться –

ужаснулся. И было от чего: накануне вечером он, решив отдохнуть после сытого ужина, вышел на балкон, дабы выкурить трубочку...

...Устроившись поудобнее в кресле-качалке, Древорук укрылся покрывалом и, набив трубку, приготовился наблюдать за движением звёзд на небосклоне.

Так вот, поглядывая на звёзды, он стал неожиданным свидетелем интересной сцены, произошедшей в аккурат под его балконом: из дверей «Лиса», по-видимому, решив прогуляться на сон грядущий, вышел молодой онталар.

«Саима, – мгновенно угадал Древорук – Ты-то мне, дружок, и нужен! На ловца, как говорится... – Он уже начал подумывать, не спуститься ли ему вниз, чтобы прямо сейчас раз и навсегда покончить с делом, ради которого в Два Пня и приехал, но банальная лень и тяжёлый живот помешали ему сделать это. – Завтра, – мысленно заверил он себя и скучающего внизу Саиму, – все дела завтра. Встретимся, пошепчемся, отдам тебе камень и домой!» – Он мысленно хлопнул ладонями, потёр ими, словно всё уже было сделано.

Молодой онталар постоял немного, видимо мыслей его не расслышав, а посему и оптимизма не разделяя, и неспешно направился прогулочным шагом вдоль улицы.

– Славный вечерок.

Саима, услышав слова приветствия в свой адрес, аж подпрыгнул от неожиданности и покосился на незнакомца, что его окликнул.

Крэч нахмурился. Донёсшийся из темноты голос показался ему на удивление знакомым. «Кто это?» – подумал он и распираемый любопытством, придвинулся ближе к перилам, пытаясь рассмотреть обоих.

Саима остановился в пятне света, точно под балконом Крэча, и, хотя лицо скрывалось за спутанными прядями волос, когда он приподнимал голову, были хорошо видны его приплюснутый у основания нос с широкими ноздрями и большие круглые глаза.

Второй, тот, что стоял у стены, оставался за пределами освещённости, что не помешало Крэчу заметить, что Саима уступал незнакомцу в росте, но сложение имел покрепче.

– Так-то да... – осторожно согласился Саима. – Разве что свежее немного.

– Ага, и то верно – свежо, – зевнул незнакомец и привалился плечом к стене, – ищешь кого-то, а?

– Ну да, – быстро ответил Саима, – я... – он пожал плечами. – То есть, нет.

– Ясно, – усмехнулся невидимка. – Послушай, я как раз перекусить собрался. Ты не голоден? Может, поужинаем вместе, эля выпьем, поговорим? Есть тут одно дельце... Можно хорошо заработать...

– Э, нет, спасибо, – Саима был явно озадачен таким вниманием к своей персоне.

– Уверен? Ты не стесняйся, я угощаю, – настаивал голос из темноты. – И дело верное. Ты же это... маг?

Древорук прекрасно видел, что Саима нахмурился, явно недовольный настойчивостью незнакомца.

«Или знакомец? Да нет, врядли».

– Не совсем, – ответил Саима. В его голосе не было ни страха, ни удивления.

– Не повезло, – демонстрируя полное безразличие, бросил невидимка, и Крэч по звуку понял, что он зеваает. Тень двинулась вперёд, и как бы невзначай вынырнувшая из темноты рука незнакомца легла на плечо Саимы. – А может, всё же подумаешь? Верное дело, соглашайся.

– Нет, – отрезал Саима.

Было видно, как губы молодого онталара сжались в жёсткую линию. Его пушистый спутник пискнул и высунул из складок капюшона обеспокоенную мордочку. Саима отступил, высвобождаясь из-под руки незнакомца, и тут произошло то, что в корне изменило отношение

Крэча к ситуации – «инкогнито» потянулся вслед за отшатнувшимся Саимой и вынужден был выйти на свет...

«Тэннар и его присные!» – выдохнул Крэч. Он сразу узнал его: зигзагообразный шрам поперёк лица, длинные волосы, заплетённые во множество тонких просмолённых косиц, маленькие глазки, бесцветные – рыбы, столько раз являвшиеся ему в кошмарных снах...

Этот шрам, деливший нос онталара на две равные половинки, Крэч не мог видеть раньше. Более того, он не мог даже подозревать о его существовании, но ему прекрасно были знакомы обстоятельства, при которых Вейзо (а именно так звали мерзкого онталара, это Древорук помнил наверняка) получил его. Вспомнил он и погибших друзей своих: Треску, Весёлого и Кашку, вспомнил любимую Нэму и такую же любимую, уж не меньше, правую руку, оставшуюся в замке Мадара ра'Крата, что в Вьёльсе. Крэч повёл головой в сторону, и пальцы непроизвольно коснулись шрама на шее – следа от Вейзовой же удавки.

«Ктырь! – вспомнил он давнишнее прозвище онталара. – Ну вот и свиделись. Молись Великим, гадина зеленорожая, теперь тебе от меня никуда не деться!»

Вейзо дёрнул плечом, переступил с ноги на ногу:

– Как скажешь, друг, как скажешь, – прохрипел он и потёрся шершавой щекой о воротник. – Не задирал бы ты так нос, парень. Не ровён час...

Саима повернулся к нему и (одновременно с Крэчем) увидел торчавшее из правого рукава незнакомца лезвие ножа, нацеленное ему в грудь. Отступил. Пееро мгновенно оказался на плече хозяина, откуда соскочил на землю, вздыбил спину и застыл, не сводя с онталара жесткого взгляда.

– Но-но! – Саима продолжал пятиться и, оказавшись вне досягаемости ножа, спросил не столь удивлённо, сколь вызывающе: – Мы что, знакомы?

– Нет, – ухмыльнулся Вейзо Ктырь. – Хочешь узнать, как меня зовут? – Он перевёл нож на пееро, знал, видимо, кто сейчас для него опаснее.

– Нет. Зачем мне это?

– П-ф-ф, я не знаю, ты эту канитель – «знакомы-незнакомы» начал.

Крэча колотило. Он уже готов был сорваться с места и кинуться во двор, но в это время дверь «Лиса» с грохотом растворилась, и на улице показалась небольшая группа людей, одетых во всё чёрное. Возглавлял эту братию знатный господин, которого трактирщик Барг давеча представил Крэчу как Левиора Ксаладского.

В прежние времена Древорука вряд ли остановили бы не то что мелкопоместный дворянин из задрипанной Ксалады и жалкая кучка его прихвостней, но даже сам Император Зарокии, вот только сегодня произошло для Крэча что-то из ряда вон выходящее. Непонятно какие силы остановили его, приковав к месту, он сам не понял – что это было, и почему тут же в драку не кинулся – тоже не понял.

Конечно, он не испугался. Ни один из знакомых Крэча Древорука не смог бы упрекнуть его в трусости. В безрассудстве – да! В легкомыслии – безусловно! В чрезмерном обжорстве – обязательно! Но в трусости – никогда!!! И первый, кто осмелился бы назвать его трусом, лишился головы раньше, чем последний звук сорвался с его лживого языка. И вот это была истинная правда. Тем не менее факт оставался фактом – Крэч продолжал наблюдать за дальнейшим развитием событий, по-прежнему находясь на балконе.

– Что случилось, Вейзо?! – голос Левиора Ксаладского, наполненный неприкрытой силой и властью, сразу же заставил всех умолкнуть. – Всё в порядке, уважаемый? – спросил он, высоко разглядывая Саиму.

Все замерли, (застыл в напряжении Крэч) несмотря на всю очевидность ситуации застыл и Саима. Пееро переступил с лапы на лапу и сменил стойку.

– Всё в порядке.

– Нам пора, Вейзо. Чарэс, проводи нашего нового друга в трактир и, если понадобится, уладь все вопросы.

Крэч с удивлением наблюдал, как при первых же словах господина Левиора изменилось лицо Вейзо Ктыря: гадкая улыбка сменилась подобострастной, глаза поблели, не было видно и тени недовольства, исчезли злоба и ненависть. Он повернулся к имперцу и, низко поклонясь, произнёс:

– Как будет угодно господину.

Костяшки пальцев левой руки Крэча побелели от напряжения, а в податливую кору правой врезались острые грани бронзового ограждения.

Из-за спины знатного имперца тут же появился рыжеволосый человек лет тридцати с видимыми остатками давнишнего ожога на левой стороне лица. Названный Чарэсом одеждой и повадками немногим отличался от самого Левиора, но, тем не менее, сразу же кинулся выполнять его приказ. Он как-то незаметно умудрился оказаться впереди всех, хотя до этого шёл последним. Поприветствовав Саиму сдержанным кивком головы, он протянул ему руку:

– Чарэс Томмар. Прошу прощения за причинённые неудобства, – произнёс он голосом не менее властным, чем у его хозяина.

Крэчу даже показалось, что он услышал неподдельную заботу. «Хотя как знать, что может привидеться в такую ночь». К тому же, несмотря на всю дружелюбность, одна рука Чарэса поглаживала гарду меча за поясом.

– Позвольте сопроводить вас, уважаемый, – ни в тоне, ни в холодных глазах Чарэса не было угрозы – он с интересом рассматривал пучеглазого ученика мага и его пееро.

Вскоре всё закончилось, и двор опустел – один Крэч остался скрипеть зубами от жгучей, терзавшей его злобы и досады, укоряя себя за нерасторопность...

... Всё это, думается, в силу особой для него важности, память сохранила и предоставила Древоруку в мельчайших подробностях. Остальное же, происходившее после, являлось ему жалкими обрывками кошмарного сна.

Он помнил, что немедля кинулся в соседний кабак и весь оставшийся вечер и ночь заливал горькие свои воспоминания. Помнил, как хлестал эль в компании каких-то не то лесорубов, не то бортников.

«Тэннар их деря, кем они там были на самом деле».

Он пропил все, что имел при себе, всё до последнего медного риили, вплоть до роскошного плаща с куньим воротником (который так любил), истребив, насколько мог припомнить, невероятное количество эля. Учинил несколько драк и, кажется, даже один небольшой пожаришко.

Дальнейшие воспоминания тонули в густых пасмах тумана, из которых выплывали то мерзкая, поделённая шрамом на две части морда Вейзо Ктыря, то аристократически-гордое лицо господина Левиора, то удивлённый взгляд Саимы, которого, приобняв за плечи, уводил с собой Чарэс Томмар. Ещё были щенячьи глаза какого-то незнакомца с носом цвета спелой сливы, умолявшего, чтобы благородный уважаемый Крэч починил выломанную дверь, ясли и изгородь и вернул его ослов... причём всех четверых...

Пока Крэч размышлял, что-то тёплое и влажное капнуло ему на нос. С гримасой отвращения он смахнул голубиный помёт прямо рукой. Высунулся и поглядел наверх.

– Ну-ка кыш!

Он вытер пальцы о штанину и подошёл к столу. Поднял заляпанный соусом медный поднос и прошёлся по нему рукавом. Пытливо, с пристрастием, взгляделся в своё отражение: «Что же это я вчерапил, Девять Великих²?!» Его перетряхнуло. Кожа пошла мурашками. На ум

---

² Девять Великих – Девять богов Ганиса. Первые: Сэволия и Ткавел. Вторые (их дети): Тэннар, Эрок, Виноки, Тамбуо,

стали приходиться названия: Истинское светлое, Верранское, эль, бусса, вайру! «Ну, всё-всё, хватит! Достаточно!» Беда была не в том, что он пил, и не в том, сколько в итоге выпил, бывало, что ему приходилось гулять по несколько ночей, а порой и дней, кряду, а в том что сейчас, в отличие от всех прошлых излияний, он совершенно ничего не помнил. «НИ-ЧЕ-ГО!!!»

– Что с тобой, милый? Тебе нехорошо?

Виретта откинула одеяло и приняла настолько соблазнительную позу, что Древорук как-то сразу растерял всю только что приобретённую уверенность, а заодно и лишился дара речи. «Что ж, – подумал он, подбираясь к девушке, – каждый уважающий себя феа просто обязан найти несколько минут для эдакой резвуньи».

Она обняла его и прошептала нежно:

– Иди-ка ко мне, милый...

***

После обеда Крэч, победив вялость и болезненное состояние с помощью кружки холодного эля, отправился в «Лиса».

Он извинился перед трактирщиком Баргом и осведомился у него, не натворил ли прошлой ночью чего предосудительного: не убил ли кого случайно, не спалил ли сарай или какое другое строение. А также поинтересовался, есть ли у того ослы на скотном, и, если есть, все ли они на сей момент целы.

Получив по всем вопросам весьма подробные ответы, он расспросил трактирщика о Левиоре Ксаладском и его свите. Особое внимание уделив, естественно, онталару Вейзо.

...Об имперце Барг рассказал немного, как то: что господин Левиор знатен, богат и, что самое приятное, щедр. Галантен, но не чванлив, хорошо воспитан и чрезвычайно щепетилен в вопросах чести. О Вейзо, в частности, трактирщик сказать ничего не мог, так как видел его всего пару раз, когда тот приходил к господину Левиору, и не более того. Зато в деталях описал Чарэса Томмара, похвалив того за весёлый нрав и лёгкость характера. А вот по поводу его службы благородному Левиору Барг выразил некоторые сомнения, потому как в отношениях меж ними замечал больше дружеских ноток, нежели должно быть промеж господина и его слуги...

В какое-то время разговор зашёл в тупик, и Крэч, видя это, сменил тему и, попутно нахваливая пряную свинину в горчичном соусе, принялся расспрашивать трактирщика об онталаре Саиме.

Барг рассказал, что юноша находится в Двух Пнях чуть более двадцати дней. Всё это время он ожидает некого Крэча, что якобы должен явиться с севера. Надо заметить, что Древорук, следуя старой привычке, везде и всем представлялся своим вторым именем, и в Двух Пнях его знали не иначе как Вассегу Лосу из Северного Варглава.

Далее Барг поведал, что сегодня приехал друг Саимы, что зовут его Тэйд, и они собираются жить вместе, в той же комнате, что до этого Саима снимал на одного.

Получив исчерпывавшие ответы на все интересовавшие его вопросы, Крэч поставил трактирщика в известность, что задерживаться в Двух Пнях после вчерашнего конфуза больше не намерен и что ночует в «Лисе» последнюю ночь. Щедро расплатился и попросил подготовить его лошадку, так как завтра, с петухами, отбывает в Триимви, где у него назначена деловая встреча с одним тамошним торговцем.

Трактирщик Барг, довольный как покладистостью постояльца, так и полуторной платой за стол и проживание, заверил Вассегу Лосу, что всё будет исполнено в лучшем виде. А также

поинтересовался, что ему потребуется в дорогу. Получив подробнейшие указания на сей счёт, откланялся и направился к посетителям.

Крэч же вернулся в «Три свечи», где его ждала любвеобильная Виретта. Пока ещё не решив, возьмёт девицу с собой или нет, он расплатился с ней сполна (щедро накиннув поверх обычной платы полную серебряную тифту), собрал вещички и, чмокнув на прощание загрузившую прелестницу в пухлые губки, вышел на улицу...

«Нехорошо как с Саимой получилось, – размышлял он, стоя на берегу небольшого прудика на окраине деревни. – О чём я дурак такой думал? Надо было сразу спуститься и камень ему отдать, сейчас бы уже домой собирался».

«Ага, собирался бы он! А Ктырь?!» – неожиданно взорвалась праведным гневом вторая его внутренняя половина. – Или что, отпустишь? Ты тогда ему спустил и теперь собираешься?»

«Ну да, ну да, – поскрёб заросшую щёку Крэч. – А тогда я, так между прочим, без руки в бреду валялся! Ладно, забыли. Давай разбираться: исчезнуть бы мне надо и чем быстрее, тем незаметнее. За Саимой и Тэйдом и издалека присмотреть можно, благо, чётких указаний от Маана у меня нет: „Камень отдай мальцу моему, он и Саима тебя в Двух Пнях ждать будут“. Так он сказал и ничего более. Теперича, когда „мальцы“ повстречались, сидеть в Двух Пнях им не резон... день, много два – на большее у них терпения не хватит. Тем паче, что сроки все давно вышли, и то, что я так и не появился, должно заставить их насторожиться... Вот только эта стычка Саимы и Вейзо Ктыря... Как бы чего плохого не вышло... Ой, не нравится мне всё это... Ладно, действовать буду так: за ребятами Маановскими присмотрю со стороны, не открываясь. Решено! Пусть едут себе, как и собирались, в Триимви, а я следом, помолясь, двинусь. Прослежу, чтобы всё в порядке у них было, а заодно погляжу, кто за ними поедет...»

«Уверен, что за ними следить будут?» – спросил внутренний голос.

«Ещё бы! А камень потом отдам, когда на месте будем, или же самому Маану вручу».

«Может предупредить их, волноваться же будут».

«Ни в коем случае! Только хуже сделаю».

«Мне кажется, ты совершаешь большую ошибку».

«Ничего, мне не впервой, ошибкой больше, ошибкой меньше!»

«Виретту с собой возьми, с ней не так приметно будет, да и веселее вдвоём».

«Хорошо, возьму... Но какая же всё-таки Ктырь гадина! – перед глазами всплыл образ давнишнего обидчика. – И кто этот Левиор Ксаладский? Что ты о нём знаешь? Ничего. Кто такой Чарэс Томмар? Тоже не знаешь. Что вообще эти имперцы здесь забыли? Надо выяснить... Хорошо, то есть плохо, конечно, но хорошо. Хорошо то, что ты их видел вместе, а они тебя нет... Или видели? Да нет... – он почесал всё ещё подрагивавшее веко. – Вот что, дружок: надо тебе быть осторожнее. В „Лиса“ возвращаться не стоит... или, может... Ладно, посмотрю, как пойдёт».

Глава 3. Лис и Ягнёнок

На затерянную среди гор и дремотных лесов деревеньку опускалась тихая беззвездная ночь. Тяжёлые, свинцово-серые облака плыли по небу с величавой медлительностью. Лёгкий ветерок покачивал бронзовых: обжору Лиса и друга его, выпивоху Ягнёнка, печальным посвистом убаюкивая уставших за день зверюшек.

Трактирщик Барг стоял на крыльце и, лениво позёвывая, глядел на облезлого кота Паську, обстоятельно и скрупулёзно исследовавшего содержимое мусорной кучи. Посетителей в «Лисе» было предостаточно, но у столов суетились жена трактирщика Фюта, две служанки и сыновья Дикс и Атер, и, пока основная масса народа ещё не нахлынула, Барг мог позволить себе небольшую передышку.

Ветер усилился, на улице заметно похолодало. Трактирщик зябко поёжился, кинул осуждающий взгляд на небо, облака и аморфный ещё Оллат.

– Иди уже домой, Пасямка, – позвал облезлого следопыта Барг и шагнул на порог.

Притворив поплотнее дверь, он с удовольствием потянулся, до хруста в суставах, и неспешно заковылял к большому камину, с подкоптившейся дубовой полкой и кабаньей головой над ней, гостеприимно и жарко пыхтевшему у дальней стены.

В просторном общем зале «Лиса» расположилось около трёх десятков посетителей, в основном заезжие торговцы, охотники и зажиточные ремесленники. Одни сидели за деревянными столами, другие потягивали эль, пристроившись на высоких табуретах у стойки, а если некоторые из них и выглядели не совсем трезвыми и благоразумными, то и не столь глубоко в питье погрузившимися, чтобы это резало глаз.

Недалеко, у камина, на небольшом возвышении, в центре круга слушателей сидел старина Хабуа. Он самозабвенно, смежив от наслаждения веки, рассказывал историю грехопадения Сеортии – красивейшей из смертных дев, познавшей великие тайны греха, искусства любви и безудержной страсти. Благодарные слушатели внимали ему, раскрыв рты и затаив дыхание. В коротких паузах старик смачно сёрпал, отхлёбывая изрядную порцию эля, и нежно оглаживал массивную деревянную кружку морщинистыми ладонями.

– Ну, рассказывай, – потребовал Тэйд, бросая берет на стол, – что там у нас за дело?

– Камни Тор-Ахо, – плюхнулся на скамью Саима.

– Что это такое, камни Тор-Ахо?

– Вот ты неуч! А ещё в академии учишься.

– Да пошутил я, рассказывай.

– Твой папаша Маан собирает стихийные камни Тор-Ахо...

– А, вот ты о чём! «Сколько себя помню, он всегда был охвачен какой-нибудь бредовой идеей!» И что с того? Баловство это старческое. Уверен, будь это чем-то серьёзным, мы с тобой об этом никогда не узнали.

– Согласен, твой старик, что касается серьёзных дел, патологически скрытен... но к счастью он настолько же и рассеян. Вот, посмотри. – Саима протянул ему половину обычного писчего листа – Маана наброски.

«Скрытен? Это ещё ой как мягко сказано!»

Тэйд взял изрядно потрёпанный листок из рук друга. На нём была схема – пять жирных, по несколько раз обведённых угольком кружков с названиями камней внутри, поясняющие надписи по бокам, пунктиры, стрелочки; в правом нижнем углу две комичных рожицы – сам маг и его пеео – Раву, что ни говорите, а талантом рисовальщика боги Маана не обделили.

– Как это к тебе попало? Надеюсь, ты не стащил это у отца?

– Что за обвинения, Тэйд? Я всего лишь поднял с пола скомканную бумажку и положил к себе в карман. Она на полу в коридоре валялась, и это, заметь, когда Маан са Раву был уже

три дня как в отъезде. Так что сомневаться в том, что этот клочок бумаги попросту выброшен и позабыт причин у меня не было.

– Выброшен или потерян?

Саима не ответил.

Прошло несколько минут.

– Так значит? – задумчиво проговорил Тэйд, откидывая с лица непослушную прядку русых волос. – Вопросов у меня много. Но есть два, ответы, на которые я хочу знать прямо сейчас.

– Какие вопросы?

– Почему рядом с кружком под надписью – «Олир», камень Воды, если я не ошибаюсь, стоят наши имена – раз, и кто такой Крэч Древорук – два?

– Очень правильные вопросы, – довольно прищёлкнул пальцами Саима. – И ответы на них не заставят тебя долго ждать, друг мой. Первое: мы с тобой должны забрать камень воды Олир и отнести его твоему папаше в обитель Шосуа. Второе: Крэч Древорук – тот, кто должен этот камень нам передать.

– Когда?

– Неделя уже с гаком прошла, как он должен был объявиться.

– Знаешь, как он выглядит?

– Неа.

– А связь с ним какая-нибудь есть?

– Никакой...

«Это плохо. Так в этой глуши и до зимы просидеть можно. И зачем, интересно, отцу понадобились эти камни? – думал Тэйд, разглядывая Маановские художества. – Пять камней – пять стихий: Олир – Вода, Сэл – Воздух, Роу – Твердь, Аар – Огонь, Орн – Уино... И что ему на месте не сидится. Сам всю жизнь как гончая по буеракам носится – язык на бок, и нам с Саимой покоя не даёт. Ладно бы ещё от его дурацких затей польза хоть какая-то была...».

Мысли его прервал онталар Хабуа, он завершил повествование и, проигнорировав угрозы толпы, направился к свободному столику, где намеревался скоротать остаток вечера за кружкой-другой эля.

Тэйд и Саима почтительно, при его приближении, встали и поклонились.

– Как, ребятки, дела ваши? Долго ещё в этом клоповнике зады парить собираетесь? Я вижу, вам не подали, подсаживайтесь-ка ко мне. Давайте-давайте – это, к вашему сведению, лучший столик в «Лисе», если не сказать большего. Знаете, кто за ним сиживал? Нет? Ну, так знайте: однажды тут останавливался великий мудрец Вакуз Фалерро – автор «Вальфирагских рассказов» – и сиживал он в аккурат за этим самым столом, – длинные пальцы онталара заскользили по торцу столешницы. – Тут где-то табличка была... сейчас-сейчас, где-то здесь... Опять содрали, варвары, – досадливо фыркнул он. – Надо напомнить Баргу, чтоб новую привесил, а то как-то несолидно... Ну, так что, долго вас звать? Идёте, аль нет?

Саима и Тэйд послушно перебрались за его столик.

– Бог мой Тамбуо! – Хабуа достал трубку, выложил на стол кисет. – Кого только эти стены не видали. Местечко-то знатное, коль кто из северных земель на юг собрался, так наших Пней ему никак не миновать.

Служанка Нара продефилировала меж столов с подносом в руках, радужно улыбнулась Саиме и Тэйду.

Спустя пару минут, перед ними появился трактирщик Барг с тремя мисками тушёных овощей, двумя тёплыми караваемы и большим блюдом ароматно дымящегося мяса. В несколько привычных движений он уместил всё это на столе перед посетителями.

***

Приблизительно в это же время небезызвестный нам Крэч Древорук, затаился у стены дома напротив и наблюдал за входной дверью «Лиса и Ягнёнка».

– Вейзо Ктырь, Вейзо Ктырь, Вейзо Ктырь, Ктырь, Ктырь, – одними губами бубнил он нараспев прозвище ненавистного врага, которого ожидал здесь встретить и убить. – Где ты ходишь, Вейзо Ктырь, я уже совсем замёрз...

«Да ты, братец, поэт!» – довольно крякнуло второе его, внутреннее «я».

«А то!» – Он зябко поёжился, сунул кисть левой руки за отворот куртки и продолжил, но уже мысленно: – Вейзо Ктырь, Вейзо Ктырь, Вейзо Ктырь, Ктырь, Ктырь!»

Ветер, как и раньше, играл опавшими листьями. Повсюду расстился густой зелёный туман. Безмолвный Оллат беззаботно дремал на грозových облаках.

Улицы деревни были пусты, но, несмотря на поздний час, окна нескольких домов светились. Дверь «Лиса» открылась, выпуская на свежий воздух парочку жарко о чём-то спорящих посетителей; волна громкого смеха вырвалась наружу и покатила по ночной улице. Дверца тут же захлопнулась, а музыка и смех, приглушённые толстыми стенами утихли. Теперь, восстановившуюся в утерянных правах тишину нарушали лишь шорохи кота Паськи (несмотря на уговоры Барга так домой вернуться и не пожелавшего) и нудные поскрипы бронзовой вывески.

Крэч поглядел на опустевшую улицу, и вдруг на какое-то мгновение ему показалось, что и за ним кто-то наблюдает. Он отступил на шаг, прижался спиной к высокому борту телеги; застыл и одними глазами оглядел узенькую улочку, уходящую вправо: не считая кота, копошившегося у дождевой бочки, она была пуста; ничто не тревожило зеркальную гладь лужи, и диск Сароса в ней; ничто не шелохнулось в темноте, не раздалось ни единого звука... Увы, странное ощущение постороннего присутствия не только не исчезло, но, наоборот, усилилось.

Волоски на левой руке Крэча зашевелились, по спине пробежали мурашки. «Ктырь это ты?» Он стиснул рукоять ножа и прищурился, глядя через плечо...

Человек подходил к нему всё ближе, пальцы Крэча с каждым шагом незнакомца сжимались всё сильнее. И вдруг тот остановился... И хотя черный плащ скрывал фигуру незнакомца, а капюшон был надвинут так глубоко, что не позволял разглядеть практически никаких подробностей, Древорук сразу понял, что не Вейзо Ктырь сейчас у него за спиной, и, дрогнув душой, вжался плечом в холодную стену. Чарэс Томмар находился так близко, что у Крэча возникло ощущение, что тот смотрит прямо ему в глаза. Он медленно отпустил рукоять большого ножа висевшего у него на поясе и, осторожно отведя в сторону край плаща, провёл сверху вниз ладонью, ощущая кончиками пальцев ряд рукоятей мёток, остановил дыхание и замер...

Он стоял как замороженный, не отводя взгляда, смотрел в упор на слугу господина Левиора. А ещё ему показалось, что от имперца повеяло Уино: совсем чуть-чуть, почти незаметно...

«Но было же... Как это? Быть того не может», – он сглотнул, и этот ничтожный звук показался ему таким громким...

Но неожиданно для обоих имперец сделал неосторожное движение рукой и зацепил представленные к повозке вилы – те с грохотом повалились на пол. Чарэс Томмар отшатнулся, споткнувшись о подвернувшийся под ногу камень, негромко выругался и, нервно отшвырнув вилы ногой в сторону, быстрым шагом двинулся вдоль улицы. Древорук с облегчением опустил веки и вдохнул.

«А охотник-то из него никудышный!»

Едва Чарэс Томмар скрылся в окутавших улицу тенях, Крэч, призвав себе в помощь покровителей всех феа – Великого и Всемогущего Тэннара – поспешил следом. Северянин же,

обогнув конюшню слева, неожиданно остановился, а из ближайших кустов ему навстречу вынырнули пять тёмных фигур.

«А вот и они, голубчики!» Древорук замер, прислушиваясь. Ветер доносил до него лишь обрывки фраз:

– ...второе слева окно открыто...

– ...свежих лошадей нет, а эти... что если я через окошко тихонечко?

– ...я сказал – нет! Думай, что... если увидят...

– ...но я...

– Слушай, что тебе говорят, собака ты безухая! – голос Чарэса звучал тихо, но сурово и властно. Похоже было, что он отчитывал пятерых молодцев из свиты господина Левиора, и они, смиренно кивая, жадно ловили каждое его слово.

Четверых из них Древорук видел вполне отчётливо, но один, стоявший к нему спиной, по-прежнему оставался чёрной фигурой.

«Это ты, Ктырь?!»

Время от времени «чёрный» неловко дёргал головой, пытаясь обернуться, но властный тон Чарэса Томмара, обращавшегося непосредственно к нему, заставлял его смотреть перед собой.

«Похоже он!»

Крэч осторожно двинулся вдоль стены. Он остановился и замер лишь, приблизившись настолько, что смог различать все слова. Сейчас его и тёмную пятерку, возглавляемую Чарэсом Томмаром, разделяли всего несколько шагов и хлипкая перегородка из неплотно пригнанных друг к дружке досок.

В тот самый миг, когда он остановился, «чёрный» скользнул по краю светового пятна и, наконец, улучив момент, повернул голову. Лицо Крэча потемнело, бешено заколотилось переполненное ненавистью сердце: это был Вейзо Ктырь и смотрел он точно на то место, где Крэч находился минуту назад. А то, что он услышал мгновением позже, заставило его ужаснуться. Начало фразы Древорук пропустил, но суть её была понятна и так:

– ...не ваша это забота. Я сделаю так, что они побегут из «Лиса», как крысы с тонущего хаорда. Ваше дело – сидеть здесь и ждать... А как появятся, прибрать их, без шума и лишней возни. Или, если не получится, просто проследить за ними. Понятно?

– Пееро может сильно помешать, – сказал Вейзо Ктырь, – ему человека уложить как обычному коту крысу.

– Не все коты крысоловы. А пееро мелкий ещё – необученный.

– Ага – необученный! – горячо возразил Ктырь. – Встречался я уже с такими, необученными. Им горло человеку разодрать что...

– Да помолчи ты, – раздраженно фыркнул Чарэс. – О деле говори.

Непроизвольно Крэч царапнул ногтями кожаные ножны, и тут же ему показалось, что плечи ненавистного онталара дёрнулись.

«Услышал и хотел повернуться? – Древорук застыл и на время забыл, как дышать. – Вроде нет... на этот раз, кажись, пронесло! А ведь моим мальчикам угрожает нешуточная опасность. Как всё-таки хорошо вышло, и я не отдал Саиме камень, – капелька пота проползла по виску, и Крэч бесшумно смахнул её, мысленно хваля себя за прозорливость. – Вот что интересно: господину Левиору, – (отчего-то он ни на секунду не сомневался, что всё это происходит с его ведома), – нужен камень или Саима с Тэйдом? Если камень, то откуда он о нём знает? Даже не так: почему он думает, что камень у них... Стоп! Раз он знает о камне, значит, знает и обо мне?! Так-так-так, нет, это совсем не интересно! И что мне прикажете с этим всем делать?»

– Вам всё понятно? – повторил вопрос Чарэс.

– Обоих прибрать? – переспросил Вейзо зловецким шёпотом.

– Я же сказал: онталар не нужен, – подтвердил приговор Чарэс, раздражаясь. – А вот Тэйда вяжите крепче и сразу ко мне. Смотрите, чтобы ни один волосок с его головы не упал!

«Ага, им нужен только Тэйд. А зачем? Интересно девки пляшут по четыре штуки в ряд! Чего-то я не понимаю».

– Что с пееро делать?

– Экий ты всё же дурак, Вейзо! Ещё один такой вопрос! – шикнул северянин. – Пееро мне нужен так же, как и маг. Понятно?!

– Как скажешь, Чарэс, как скажешь. – Ктырь дёрнул головой, кивая в ответ на слова старшего, и тут же развернулся, вскидывая руки – резко, неожиданно... взвизгнул вспоротый сталью воздух и две мётки вонзились в стену конюшни, но Крэча там уже не было.

– Ты псих, Вейзо, – донёс до него голос Чарэса Томмара.

– Да вот... почудилось, – ответил ему онталар, выдирая засевшие в доске ножи.

***

– Билу, дружище!

Со второго этажа вниз по лестнице спускался молодой человек. Услышав Саиму, он радостно помахал ему рукой.

Не дойдя до столика совсем чуть-чуть, Билу остановился и принялся церемонно раскланиваться, однако комизма и фиглярства в его поклонах явно было гораздо больше, чем такта. Он был высок и хорошо сложен, русые волосы зачёсаны назад и закручены улиткой, как того требовала имперская мода. Если бы ни добротная шерстяная безрукавка, он выглядел бы несколько фатовато в своей белоснежной рубашке с просторными рукавами и широком, в две ладони, кожаном поясе с тиснёным узором.

– А что вы тут такое вкусненькое едите? – потирая руки, спросил Билу, усаживаясь на свободный стул. – Два круга выпивки за мой счёт. Заказывайте. Нара, – остановил он служанку, – будь любезна: тушёную свинину, грибной рулет и Истинское. Саима? Тэйд?

– Эля, – поднял палец онталар.

– Спасибо. Ничего больше не хочу, – отказался Тэйд.

– Ой! – сдвинул брови Саима и перевёл взгляд с Билу на Тэйда. – А вы похожи.

– Мы? – комично скривился Билу.

– Тебе виднее, – пожал плечами Тэйд.

– Правда похожи, прям как братья.

– А, – отмахнулся Билу. – Братья так братья, я не против... Засиделся что-то я в Двух Пнях, други мои. Думаю, вот в столицу двинуть.

– Чего ты там не видел? – спросил Саима.

– Ничего я там не видел. Интересно посмотреть, как люди живут.

– А, ну езжай, посмотри.

– Что-то не так? – сдвинул брови Билу.

– Да нет, нормально всё, – сказал Саима, – просто не понимаю чего туда без дела переться.

– Ну вот, хочется мне. Как дорога, Тэйд? Ты же оттуда сейчас?

– Тихо вроде. Цоррб, говорят, по горам злющий шастает. Может врут, а может и нет, не знаю.

– Хабуа тебя этой тварью настрачал? – криво улыбнувшись, спросил Саима.

– Ага.

– Не верь. Он всем этим цоррбом мозги проел. На эту тему народ уже даже не шутит.

***

«Ага, тебя-то я, друг ситный, и поджидаю!»

Крэч Древорук неслышно поднялся на ноги и, сделав три лёгких шажка, словно был не располневшим за последние годы феа, а невесомая водомерка, беззвучно и незаметно очутился за спиной одного из отслеживаемых им кьяльсо. Предательски блеснул в его недрогнувшей руке нож, когда он одним ловким движением вонзил смертоносное жало в потную шею незадавшегося душегуба.

«Извини, дружок, против тебя лично я ничего не имею, но вся эта ваша канитель мне сильно не по нраву».

Булькнув и всхрипнув, бедолага стал заваливаться на бок, хватаясь за шею руками в бесплодной попытке дотянуться до раны и остановить хлеставшую фонтаном кровь.

– Тих, тих, тих, тихо, – зачастил Крэч, выдёргивая нож и нанося в подмышку второй – прекращающий мучения – удар милосердия. – Не ругайся. Не надо, – он мягко, стараясь не запачкаться кровью, опустил тело на землю и осенил воздух святым тревершием. – Ещё встретимся как-нибудь... там, – он возвёл очи горе, – потом... наверное.

«Это первый. С почином тебя, Крэчик! – он даже не стал обыскивать мертвеца с целью отыскать что-нибудь интересное. – Не время сейчас. Надо будет – после вернусь».

Постоял немного над трупом, вытирая нож пучком соломы и думая, что прабабка покойная действия сии, наверняка бы, не одобрила. «Сложно, грязно и непрофессионально, – фыркнула бы старая, ноздри распухшие душистым табаком натирая. – Фу, внучек! ФУ! Мясник ты, как выясняется, а не честный кьяльсо!» – пробухтела бы так, и наградила его пинком или затрепиной смачной, а то и тем и другим вместе, да ещё и «сливу» на носу бы оттянула.

Крэч вздрогнул плечами и поморщился, силу бабусиных ласк и поучений припоминая, и тут же, загадочно так, в черноту неба глянул, будто увидеть грозно вззирающую на него сверху старушку опасался.

«Во многом ты права, бабуля. Извини, но нет совсем на изящества времени... да и желания нет. Мне ребят защитить надо, я Маану обещал. Ты же знаешь, как это бывает, раз Сиам им не нужен, считай, значит, не жилец он. По-другому у этой публики не бывает. А меня такой расклад категорически не устраивает!» – думал он, оттаскивая за сарай тело неудачливого коллеги: ему вовсе не улыбалось, чтобы какой-нибудь припозднившийся крестьянин споткнулся о закованный труп.

Следующая цель – высокий худой вартарец, всё время нетерпеливо переходивший с места на место. Легкомысленно рискуя выдать себя, кьяльсо то прохаживался вдоль изгороди, то приседал на корточки около колодца, то к воротам конюшни приваливался, замирая и, надо думать, в тишину вслушиваясь. Что он там слышал? Никому не известно...

Оллат и звёзды, дававшие поначалу немного света и позволявшие различать предметы, скрылись за тучами. Древорук обогнул сарай и осторожно приблизился к нарезавшему широкие круги долговязому. Он собирался убить и его, не колеблясь при этом ни секунды. Жизнь против жизни: либо он и воспитанники Маана, либо эти Хорбутовы³ отродья.

Вартарец был гораздо выше первого убитого, что создавало некоторые, вполне ощутимые неудобства: даже привстав на цыпочки и вытянувшись в струнку он не сможет дотянуться до его шеи.

---

³ Хорбут – одноглазое чудище, каменный великан, по поверьям живущий в горах Рокоды.

«А значит, придётся рисковать – бить в бок! А если доспех кожаный, или хуже того кольчуга? – Крэч переложил нож в правую, дииоровую руку и вытащил второй, угрожающе выглядывший ахирский рап-сах⁴. – С этим я и на кабана и на медведя один на один выйду!»

Отследив повторявшийся маршрут вартарца, Древорук выбрал укромное местечко на его пути и, затаив дыхание, сосредоточился на едва заметной во мраке, медленно приближавшейся фигуре. Долговязый в последний момент решил изменить маршрут и шагнул налево – за конюшню.

«Ишь ты, приспичило ему... Ну я тебе покажу сейчас, как углы не по назначению пользоваться».

Лезвие ножа, не встретив сопротивления, вонзилось под лопатку долговязого, рап-сах, мгновением позже, пробороздил его правый бок. Вартарец даже не ойкнул: смерть была к нему милостива и пришла почти мгновенно. Почти.

– Прости, Тэннар Великий, дитя своё неразумное, – набожно запричитал Крэч, не забывая, однако, сохранять тишину и ничуть не повышая голоса. – Жизнь, друг мой, скучна и жестока, лишь смерть снисходительна и благоволит к каждому.

Он одновременно выдернул оба оружия, развёл в стороны руки и, осмотрительно сделав полшага назад, освободил пространство, позволяя мертвецу упасть.

– Покойся с миром.

«Это второй».

***

– И жили они долго и счастливо! – завершил очередную из своих замечательных историй Хабуа.

Слушатели заплодировали.

Трактирщик Барг, знавший привычки старого друга, поставил на стол перед ним блюдо с мясом и чашку горячего бульона.

– Восстанавливай силы, старина, – добродушно улыбнулся он, – народ жаждет новых историй.

Утолив голод, Хабуа окинул зал скучающим взглядом. Лицо его расплылось в загадочной улыбке:

– Похоже, на сегодня всё, ребятушки. Поздно уже, пора мне спать.

Молчание продолжалось не дольше минуты.

– Если позволите, уважаемый...

Взгляд Хабуа переместился в угол: туда, где сидело трое мужчин. Один – высокий, с длинными курчавыми волосами – был облачён в белое с бардовой каймой (вернее, уже серое), двое же других были одеты в тёмно-бардовое – типичное одеяние жрецов Ткавела, или санхи как по названию местечка, где они построили первый храм Ткавелу, называли их обитатели Седогорья, представлявшее собой странную смесь доспехов и жреческих балахонов.

– Санхи? Откуда они тут? – удивился Билу.

– Из храма Ткавела в Гевере, – ответил несведущему северянину Саима и отщипнул от края столешницы давно мозолившую ему глаза щепку. Вир шикнул и, восприняв сие действие за часть игры, попытался схватить онталара за палец.

– С этими лучше не связываться, – добавил Тэйд.

– Ага, – кивнул Саима, дразня пеееро пальцем, – слов совсем не понимают.

– Я хотел бы услышать историю извержения вулкана Веркора, – сказал кучерявый – обладатель орлиного взгляда и квадратного с ямочкой подбородка.

---

⁴ Рап-сах – длинный, широкий нож. Клинок с односторонней заточкой, выпуклым лезвием, иногда с гардой, чаще без.

– ...что услышать? – на лице Хабуа появилось озадаченное выражение. Не могли бы вы, уважаемый, выразить свою мысль яснее?

– Я хочу попросить вас поведать нам про извержение вулкана Веркора и историю гибели Кеара, – уточнил враз сделавшийся грубым и низким голос. – За это я заплачу вам, уважаемый Хабуа, три дииоровые тифты, – кучерявый поднял руку и продемонстрировал три пальца. – Три полновесные тифты! – произнёс он со значением. – Хорошая цена за хорошую историю, вы так не считаете, уважаемый?

Онталар поскрёб висок.

– Цена хорошая, даже слишком! Если вы, простите, не знаю, как вас... – он выдержал паузу, ожидая, что говоривший из полумрака представится...

– Да кто ты такой, чтобы спрашивать?! – грозно вскинулся один из троицы и с размаху саданул кулаком по столу, так что звякнули тарелки.

– Вот видишь, – кивнул головой Саима. Вир насторожился, он прижал уши и встал в стойку.

– Звери дикие, – согласно буркнул Тэйд, инстинктивно втягивая голову в плечи.

– Да просто эля перебрал, – возразил Билу.

– Они здесь дома, – сказал Саима, – а значит в своём праве. Впрочем, они и в Такрите себя хозяевами чувствуют, и в Досаре не гости. Я даже в Иллионде пятерых видел.

– Там-то они что забыли?

– Веру истинную несут, варварам.

– Далеко не донесут, – хмыкнул Билу. – Текантул быстро их лавочку прикроет.

– Пока не прикрыл.

– Может у них соглашение дружеское. Здесь кнуров Текантула тоже как грязи, а ведь это не их территория. Санхи же их не трогают.

– Успокойся, брат Тамк, – ладонь говорившего первым санхи властно легла поверх кулака бузотёра. – Здесь творятся дела, угодные Первым Богам. Я брат Этро, – представился он, снова переводя взгляд на Хабуа. – А это братья Тамк и Римо.

– Так вот, – продолжил Хабуа, – если вы, уважаемый Этро, желаете отблагодарить меня, не вижу причин отказываться, но имейте в виду – многое в этой истории может вам не понравиться, более того, она не коротка, а час нонеча поздний. Потому предлагаю поступить так: сегодня я поведаю вам первую половину этой чудеснейшей истории, а закончу её завтра. Если вы, разумеется, будете здесь завтра и согласны с моим предложением. Устал я, знаете ли, очень.

– Почему нет? – снисходительно пробасил брат Этро, он поднял руку с треугольными, сверкавшими отполированными гранями монетами. Другой рукой сделал повелительный жест стоявшему неподалёку одному из сыновей трактирщика и, когда тот подошёл, вложил ему три чёрные как смоль тифты в ладонь. – Завтра так завтра. Мы не против. Слово за вами, маэстро, – вторя ироничным интонациям Хабуа, произнёс он.

– Одну минуту, уважаемый. – Старичок-онталар повернулся к трактирщику: – Барг, дружище, принеси мне кружку эльтарского тёмного и самого крепкого, что отыщешь, табака, – попросил он, сгребая с ладони мальчика дииоровые монетки.

Публика «Лиса» заметно оживилась. Барга засыпали заказами, подавальщицы так и засновали с кружками меж столов.

– Из уст певца, плачущего вместе со своими слушателями, рассказ проникает в самое сердце, согревает душу и дарует надежду! – Хабуа выдержал паузу и театрально раскланялся, после чего, основательно затянувшись, выпустил в потолок тонкую струйку сизого дыма. – Итак, друзья мои: Веркор, Сид Сароса и город городов – Великий Кеар.

Давным-давно, – начал он, – в незапамятные времена, когда Ганис вращался вокруг Сароса, а твердь его была покрыта девственными лесами и не делилась на Верхнюю и Среднюю, спустились на Ганис с Сароса Первые Боги: Ткавел и Сэволия. Ганис Богам понравился,

и решила Сэволия навечно заселить его своими непослушными детьми, что питали страсть ко всему непознанному и давно молили родителей отпустить их в Неизведанное. И сказала Сэволия Ткавелу: «Муж мой, отпусти детей наших. Пусть живут здесь и растят детей и внуков по своему пониманию. Даруй всем потомкам их бессмертие и вечное благо».

Ответил тогда Великий Бог Ткавел: «Отпущу детей наших: Тэннара, Эрока, Виноки, Тамбуо и Фору. Хор же и Суо – мои любимцы – останутся с нами. Пусть Ганис будет домом детям нашим, пусть властвуют и живут здесь. Дарую бессмертие детям их и внукам вплоть до восьмого колена. И будут они знать всё, что я знаю, и видеть не то, что можно видеть глазом, а то, что я вижу, и слышать не то, что можно слышать ухом, а то, что я слышу. И мысли их будут не те, что думает ум их, а те, что я думаю. Да будет так!»

Санхи одобрительно закивали.

– И началась с того дня новая эра – эра величественных и свободолюбивых Вторых Богов и детей их – мудрых греолов. И было прекрасно тогда на Ганисе всё: греолы жили, проявляя уважение и любовь друг к другу; не было в их мире таких слов и напастей, как война, голод, нищета и болезни. Греолы трудились, не покладая рук, и, как беззаботная ребятня радуется ласковому свету Сароса, радовались каждому новому дню. Крестьяне возделывали поля и сажали сады, снимая от четырёх до шести урожаев за год. Амбары ломились от зерна, погреба были забиты припасами и восхитительными винами. Ремесленники постигали тайны мастерства и изготавливали огромное множество всяких товаров. Кузнецы и углежогги, скорняки и кожевенники, гончары, ткачи, портные, плотники и ювелиры – все успешно трудились и были в полной мере вознаграждены Богами-родителями за труды свои. Бескрайние леса Ганиса были полны дичи, грибов и ягод. Звенящие ручьи, полноводные реки и глубокие озёра кишели рыбой. Греолы овладевали знаниями, открывали всё новые и новые земли, постигали стихии и обогащали разум абстракциями и закономерностями природы, гармониями материи и хаоса. Они познавали науку о движении звёзд и планет. А мудрейшие из них научились магии, чем особо порадовали Великого Ткавела – Первого Бога...

Хабуа кинул торжествующий взгляд на жрецов санхи.

– Чего это он? – Саима аж привстал от удивления. Встал на задние лапки и Вир.

– Что не так? – спросил Билу.

– Ну даёт! – зашептал онталар. – Он же издевается – санхи дразнит.

– Ага, – согласился Тэйд, морщась.

– Почему?

– Всем известно, что санхи отрицают магию и считают её порождением зла, – хрипло пояснил Тэйд. – Уж кто-кто, а Первые, по их представлению, точно не имеют к магии никакого отношения.

– С тобой всё в порядке? – забеспокоился Саима, видимо, уловив перемены в его голосе.

– Всё хорошо, не беспокойся, – ответил Тэйд.

– И был у греолов великий правитель – Алу’Меон, – продолжал Хабуа как ни в чём не бывало. – Самый великий король из всех когда-либо живших на Ганисе. И самый могущественный маг того времени, разум его владел всеми тремя изначальными стихиями: водой, воздухом и твердью. Это был великий дар Первого Бога...

– Опять, слышите? – зашептал Саима.

– ...и Алу’Меон за многие годы довёл своё умение до совершенства. Но сколь ни велик был Алу’Меон своими знаниями, дела его были ещё более велики, и вершил он их во благо своего народа. Славился он честностью и другими добродетелями. Был хоть и строгим, но справедливым правителем, никто не мог поколебать его суждений ложью, недоверием, лестью или хитростью.

И стоял в самом центре Ганиса на пересечении двух рек и стыке земель город. Огромный блистающий город, сверкавший под небом золотом и благородным диоро. И было имя ему – Кеар!

Был сей город во много раз больше и восхитительнее самого Сулуза. Стоял он в вечно-зелёной долине Эльдорф, у подножия высочайшей на Ганисе горы Веркор. Стены его из благородного белого камня уходили высоко в небо и терялись в облаках. Кеар был прекрасен: дома, храмы и башни великолепной архитектуры; скульптуры, арки, балюстрады, вырезанные из камня, украшенные золотом и драгоценными камнями, мощёные улицы, сверкавшие всеми цветами радуги фонтаны, аллеи из вековых дубов и задевавших облака верхушками стройных диоро.

Хотите знать, что представлял собой Кеар на самом деле? Возьмите все города и величайшие храмы Ганиса, подгорные города Витиама, добавьте к ним воздушные замки Давианара и подводную Кнэтирию, соедините их в одно и приумножьте... и тогда, быть может, вы сможете оценить величину и красоту Кеара!

Хабуа умолк, давая слушателям время подумать, отхлебнул немного из кружки и смачно затянулся. Пустил колечко, одно, другое и, дождавшись, пока дым рассеялся, продолжил:

– Но был в этой безупречности, как и замыслено Первыми, один крошечный изъян, ничтожно малый, но сильно повлиявший на дальнейший ход событий...

***

Уже час Крэч кружил вокруг «Лиса и Ягнёнка» в надежде отыскать двоих оставшихся кьяльсо. Трижды обойдя улочки, примыкавшие к основному зданию, заглянув во все подворотни и тёмные уголки, он устроился за большой пятидесятиведёрной бочкой и стал наблюдать за приоткрытой чердачной дверцей сарайчика, который стоял чуть левее главного входа «Лиса».

«Отличное местечко, – отметил на будущее Крэч, глядя на дверцу. – Сухо, тепло и обзор, наверняка, оттуда великолепный».

«Вейзо Ктырь, Вейзо Ктырь, Вейзо Ктырь, Ктырь, Ктырь!»

Спустя три четверти часа, окончательно потеряв терпение и преисполнившись решимости отыскать притаившихся злодеев, он начал медленное движение в сторону сарая.

«А почему бы и нет?! Сверху всяко-разно лучше видно».

Ветер разнёс тучи, и тусклый свет Оллата теперь освещал левую, противоположную от Древорука половину улицы.

Лестница под его весом предательски скрипнула и зашаталась. Крэч насторожился – тихо, никакой реакции сверху. Добравшись до окошка.

«Кты-ырь? Ты здесь?»

Тишина.

Он подтянулся и, кряхтя от натуги перевалился внутрь на мягкое.

Чердак оказался пуст, не считая вездесущего кота Паськи, с пристрастием копошащегося в ворохе мелкого древесного мусора.

«Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты, напугал меня блохастый! Мышкуешь здесь что ли? – Крэч осмотрелся. Внутри – горы соломы, корзины с яблоками вдоль стены. Снаружи – прекрасный обзор: главный вход „Лиса“ и два ряда окон, одно из которых Тэйда и Саимы, конюшня, сарай и три насквозь просматривавшиеся, улицы. – Отличный вид, здесь я, пожалуй, и подожду».

– Не возражаешь? – поинтересовался он у обалдевшего от такой наглости кота.

Паська, как ни странно, возражать не стал.

Скоро ожидания Крэча оправдались: от стены дома напротив отделились две тени и, ничуть не таясь, прошествовали каждая в свою сторону; одна направилась к конюшне – туда,

где почил первый кьяльсо; вторая – к колодцу, где Древорук приголубил длиннобудылого вар-тарца.

«Ага, – застучало сердце часто и гулко. На душе стало тревожно: Крэч ждал беды, чувствовал её. Он замер, стараясь не дышать. – Смена караула? Ну что же, пора в таком разе и мне выбираться. – А ещё ему подумалось, что очень неплохо, что он знает теперь места, где кьяльсо рассчитывают застать своих. – Но! – Древорук потёр зудевшую бородавку, ещё в далёком детстве проросшую у основания носа. – Но и плохо тоже, во-первых, не найдя своих поделщиков, они кинутся...»

Он не успел закончить мысль, потому как образовалось неожиданное «во-вторых».

Прямо перед его лицом блеснула тонкая стальная нитка. Послышался резкий свист. Крэч даже не успел понять, каким это чудом удавка не обвила его шею. Лишь старые рефлексы спасли его.

Он лихорадочно задвигал так удачно приподнятой деревянной рукой. Но не тут-то было! Стальная нить глубоко врезалась в кору, и все попытки высвободиться из её объятий были обречены на провал и только усугубляли и без того плачевное его положение. От натуги лицо Крэча стало пунцовым, виски вспухли синими жилками. Сзади слышались булькающее сопение нападавшего и злобный скрежет его зубов. Древорук дёрнулся, свернулся, толчком подался вперёд, утягивая кьяльсо за собой, а после, откинувшись, схватил его левой рукой за волосы. Резко наклонился и перебросил через себя.

Сквозь пелену, застывшую глаза, он не мог разобрать силуэт обидчика, а потому просто выхватил рап-сах и ткнул им наугад, в темноту. Противник заорал, и Крэч узнал его голос.

– Ктырь, ты!

– Я!

– Есть на Ганисе Боги! – уже довольно выдохнул Древорук, выхватывая нож. – Ну! Давай, – оскалился он. – Иди сюда, гадина зеленорожая!

– Зря ты тех двоих убил, – прошипел Вейзо, зажимая ладонью раненое бедро. – Следовало бы начать с меня!

С этим было трудно поспорить, учитывая, что Крэч собирался прикончить их всех и особого внимания на порядок, в каком ему приходилось делать это не обращал. Он пожал плечами и взглянул на лезвие, с кончика которого одна за другой срывались багряные капли.

– Ничего. Они на меня не обиделись. – Крэч поводит рап-сахом, эффектно вертанул ножом в другой руке. Замер в ожидании. – Ну?!

– Приступим? Имя своё сперва назови, пока говорить можешь, – просипел Ктырь, кровожадно скалясь. – Хочу знать, кого я сейчас прикончу.

– Ой, а ты меня не узнал?

– Нет, а должен? – Вейзо отпустил рану на ноге, пожалуй, посчитав её несерьёзной, и теперь в грудь Крэча хищно нацелились иззубренные клинки двух ножей, в три пальца длинной оба.

Онталар и феа настороженно закружили вокруг друг друга, солома мягко хрустела под сапогами.

– Даже удивительно, что ты успел так быстро меня забыть... Хотя... – Крэч остановился и демонстративно приподнял диоровую руку. – Ты случайно не знаешь, где я руку свою оставил? Или, может, вспомнишь, где и когда тебе морду раскрыли?

– Ух ты! Деревянная рука?

Несмотря на внешнюю развязность и наглый тон, что-то изменилось в лице онталара – Крэч почувствовал это сразу. Теперь он видел глаза, наполненные поселившимися в них сомнениями и даже страхом.

– Издеваешься? Ну-ну.

– Никак не можно, – ослабил Вейзо. – Но, тебя я не помню.

– Уверен? – переспросил Древорук. Он чувствовал, как дрожат от напряжения сжимающие холодную рукоять пальцы левой, и слышал, как поскрипывают пальцы дииоровой. – Тогда считай меня призраком... или своей смертью.

– Смерть так смерть. Как скажешь, карла, как скажешь, – он густо сплюнул, мотнув головой, и кинулся в атаку.

Надо отдать ему должное – чем-чем, а ножами он владел виртуозно.

Крэч ожидал рывка, но с места всё ж таки не сдвинулся. Лишь когда онталар оказался совсем рядом, дёрнулся, ныряя под сверкнувшие в темноте клинки, и плоско рубанул рап-сахом, целясь в живот. Вейзо изогнулся, легко уклоняясь от удара, отскочил и пошёл кривляясь – петушиным шагом.

Они сошлись и закружили в невероятном вихре, выбивая клинками искры: удар, другой, третий, ещё и ещё... Несколько секунд обменивались рубами и тычками. В какой-то момент все четыре клинка сомкнулись, удерживаемые гардами. Искажённое злобой лицо онталара оказалось так близко, что Крэч не удержался и плюнул в него. Ктырь провернулся, сделав полный круг всем телом, не меняя положения рук, и отскочил, высвобождая из захвата клинки. И тут же, изящным движением увернувшись от посланного ему вдогонку рап-сах, коротко полоснул Древорука кончиком ножа по лицу.

Крэч почувствовал на губах собственную кровь: «Как?!»

– Это лишь начало, коротышка! Сдача с плевка. Кривым тебя девки больше любить будут! Есть у тебя девка, карла? Нет? Так это от того, что рожа больно противная. Придётся тобой заняться и маленько неровности подправить.

– Вот уж не думаю. Сейчас посмотрим, кто, кому и что подправит, – Крэч делал ударение на каждом слоге, при этом было слышно, что голос его дополнился шипящим присвистом – сквозная рана щеки сочилась алым.

– Как скажешь, карла, как скажешь.

Вейзо рванулся вперёд, сокращая расстояние, и ударил. Крэч отпрянул, дёрнул рукой и отбил клинок дииоровым предплечьем. То, что выверенный удар не достиг цели, смутило онталара, но он быстро пришёл в себя и ударил снова. Крэч отбил и этот удар, отводя лезвие ножа вниз. Он попробовал зацепить его гардой рап-сах, но немного перемудрил – движение получилось неуклюжим, деревянные пальцы хоть и были более хваткими, обладали меньшей пластичностью, чем обычные. Рап-сах он не удержал, и оружие, отлетев в сторону, вонзилось в подпиравший крышу столб.

– Убить тебя – это удовольствие, – развязно огрызнулся Ктырь и перебросил нож из руки в руку.

Они снова сошлись. Крэч парировал удар за ударом, но и он, и Вейзо уже успели нанести друг другу по несколько малозначительных ранений. В конце концов, Крэч сумел-таки подловить онталара – тот был выше феа, и ему постоянно приходилось наклоняться и пригибать голову, дабы избежать столкновений с балками и стропилами, что при правильном подходе давало противнику весомое преимущество. Вот и сейчас Ктырь находился в непосредственной близости от одной из поперечин, а его левая нога почти упёрлась в деревянный брус.

Крэч сделал выпад, Вейзо отпрянул, нисколько не подозревая об опасности подстерегающей его сзади. Древорук, качнулся влево и сильно накоротке ткнул онталара кулаком, целя под вздох. Вейзо оступился и удары, этот и следующий – со всей дури, в челюсть, достигли цели.

Нож онталара описав дугу, отлетел в солому. Крэч отбросил свой, он мешал ему наслаждаться кулачной расправой, и нанёс ещё один удар, в подбородок. Коротко. Мощно.

Он буквально опьянел от ярости и крови и не мог воспротивиться бушующему внутри него урагану. Ударил ещё, и ещё! Впечатал дииоровую колотушку в то место, где у всех онталар находится нос. Хрустнула кость, Вейзо Ктырь обмяк, приложившись головой о балку, и рухнул ничком как подкошенный, сверху на него посыпалась труха и птичьи перья.

Крэч в изнеможении опустился на одно колено, навалился на онталара сверху. Глухо рыча и брызжа слюной, вцепился в сальные косы и намотал их на кулак. Нагнулся к уху поверженного противника и зашипел:

– Всё вспомнил? Всё?!

Ответа не последовало. Ктырь дёрнулся раз... другой... и безвольно обмяк.

«Теперь точно всё! – Никогда ещё Крэч не ощущал такого упоения мезью – его обожгло новым, неизведанным до сих пор блаженством: – Он сдох! Ктырь сдох!»

Крэч повернул голову онталара, чтобы в последний раз заглянуть в его мёртвые глаза, и отпрянул, поняв, что «зеленорожая гадина» всё ещё смотрит на него, не сказать чтобы осмысленно, но всё же смотрит. Странно, но Вейзо Ктырь был ещё жив. Лицо его побагровело, подёрнутые мутной плёнкой зрачки лезли под веки, из обломков носа и уголков губ стекали кровавые струйки. Онталар плямкал разбитыми губами силясь что-то произнести. У него ничего не получалось.

«Да чтоб тебя! – рука Крэча сама потянулась к ножу. – Пора это заканчивать!» Он скривился и занёс клинок для удара.

«Всегда проявляй милосердие, даже когда сам того не желаешь, – протиснувшиеся сквозь волокна мыслей слова бабуши огорошили его и ввели в ступор:

«Чего?!»

«Двоих покойников на один вечер тебе хватит. И запомни, внучек: мезь – девка заразная, коли сможешь, гони её от себя подальше».

– Ты не здорова что ли, старая? – почему-то вслух, спросил он. Но эйфория целиком и полностью властвующая над ним уже отступила, и он, ощутив холод и внутреннюю пустоту, разбавленные каким-то тяжким, неизвестным ему раньше ощущением вины, неожиданно охладел. Не то что бы в один присест подобрел и простил онталару всё – скорее всего, просто устал, перегорел и именно в эту секунду не испытывал к этому «куску Хорбутова дерьма» ничего. Ни гнева, ни жалости, ни сострадания. Куда-то исчезла, подло бросив его, так долго хранимая в сердце, заботливо выпестованная мезь. Схлынула ярость.

Он так и не понял, что же это было. Воля Высших? Слабость? Страх?!

– Живи, гнида... Пока. – Крэч опустил занесённую для удара руку. – И не забудь поблагодарить за это своих поганых Богов, – меланхолично произнёс он, поднимаясь. – Придёт время, продолжим... Считай, что одну смерть ты оплатил, за тобой ещё три. Встречу – убью! И Чарэсу передай, чтоб под ногами не путался!

«А это я зачем сказал? А кто ж его знает...».

***

Темнота в комнате Чарэса Томмара была абсолютной – своей руки не разглядеть, что не мешало ему прекрасно видеть предметы интерьера и то, что происходило вокруг него.

«Никакой надежды на этих кьяльсо. Эх, была бы моя воля...».

Чарэс подошёл к столу, где его ждала заранее подготовленная ароматическая свеча, с виду ничем не отличавшаяся от обычной, но это лишь с виду. Завёрнутая в три слоя холстины она не представляла никакой опасности, хотя исходивший от неё аромат, даже в незажжённом состоянии, способен был вызвать сильнейшее чувство тревоги, граничившее с паникой.

«Для Тэйда и для Саимы подарочек».

Он спустился на первый этаж, но в зал проходить не стал, а остановился в коридорчике, ведущем в кухню, и принялся ждать одну весьма привлекательную особу, за которой с удовольствием приударил бы, не имея он сейчас других, более серьёзных дел. Его ожидание было недолгим: вскоре в проёме показалась розовощёкая Нара – одна из служанок. В тусклом свете

настенной лампы Чарэс увидел, как девушка обворожительно улыбнулась ему и выпятила грудь, как это обычно делают женщины лёгкого поведения.

– Нара, крошка, тебя-то я и жду.

Она улыбнулась лучезарнее прежнего и томно повела глазами.

– А зачем?

Чарэс поднял руку и провёл тыльной стороной ладони по её щеке.

– Скажи, Тэйд – друг онталара Саимы – взял отдельный номер или к нему подселился?

– Фу, – обиженно скривилась Нара, поняв, что происходит вовсе не то, что она себе навывдумывала.

– Ну-ну, крошка, не морщи носик, это тебе не к лицу. Так что?

Она отклонилась, прижимаясь лопатками к стене, и утвердительно моргнула.

– Подселился, значит? Хорошо, – без лишних объяснений, Чарэс взял ладонь девушки в свою и вложил в неё свёрток со свечой. Следом одну за другой, так, чтобы она видела, приложил три серебряные монетки. – Тут свеча, – он поднял палец и прижал к её губам, будто ставя на них невидимую печать и предостерегая девушку от ненужных вопросов, и сменил тон с елейно-бархатного на властный, нетерпящий возражений: – Сейчас ты пойдёшь в их номер и зажжёшь её там. Поняла?

Она испуганно заморгала, не решаясь перечить.

– И чтобы ни звука мне!

Чарэс обхватил её за талию и притянул к себе так, что девушке пришлось встать на цыпочки. Он почувствовал, как вздымается грудь Нары, как бьётся её сердце, подобно перепуганной птахе, запертой в клетке из рёбер, и страстно впился губами в её губы. Закончив, он плотоядно втянул носом воздух, давая понять, что в ближайшее время намерен продолжить, и прошептал, подталкивая ошалевшую девушку к лестнице:

– Это всё. Пока. Иди, крошка. И-ди! «А я пойду, погляжу как у Вейзо дела».

***

– Выжил ли Алу'Меон или нет, никто так и не узнал, а вот его мятежного брата Алу'Вера, сиречь Верлонта, выдворили на остров Сау, где он и коротал свои дни в одиночестве, пытаясь обрести покой и истинное знание. Навряд ли достиг он вершин воздержанности, но одно несомненно: преуспел в познании величественных и разрушительных сил огня. Несмотря на содеянное непокорный маг продолжал искать ответы в древних писаниях, в тайных знаках и всемогущих рунах. Что он там нашёл? Какие тайные знания постиг? И как случилось, что его заточили в тело лесного цоррба и выпустили гулять по лесам Седогорья, – Хабуа лукаво улыбнулся, – мы узнаем завтра.

В зале стояла гробовая тишина.

Хабуа держал паузу, курил, пуская жирные кольца, и выжидающе смотрел на слушателей.

– Как и договаривались, братья, я продолжу завтра вечером, – он зевнул и поклонился.

– Ну уж нет! Больше я этого издевательства терпеть не намерен! – брат Тамк встал. Его табурет накренился и с грохотом рухнул на пол. Санхи поднял руку и сжал кулак.

По залу пробежали тревожные шепотки. Хабуа захлопал глазами.

– Ну ладно, значит... Хорошо. Я...

– Что за историю ты нам рассказываешь, старый козёл?!

Этого Хабуа не вынес. Он начал вставать, беспорядочно жестикулируя.

– Да как вы...

– Сядь, брехло! – потрянул кулаком Тамк.

Народ в зале недовольно загомонил. Вскочили охранники купца Лимки ра'Тона. Один похрустел позвонками, качнув головой от плеча к плечу, другой несколько раз шлёпнул кула-

ком в раскрытую ладонь другой руки – недвусмысленные намёки на то, что не стоило санхи обижать столь уважаемого рассказчика.

– Остынь, Тамк! – брат Этро нависал над столом, упершись ладонями в край. Он с прищуром посмотрел на Лимки. – Уйми своих волкодавов, чужестранец. Драки не будет.

Добавляя веса словам старшего, медленно поднялся и третий санхи – молчавший до этого брат Римо.

Купец отложил обглоданную кость, промокнул жирные губы платочком. Что-то сказал, даже не подняв на санхи глаз. Охранники нехотя опустили на место.

Тамк пинком отшвырнул стул. Его гневный взгляд заскользил по залу. Он был похож на хищника на водопое, голодного, но не смеющего нарушить водяное перемирие, а посему лишь выбиравшего будущую свою жертву.

– Хорошо, брат, – фыркнул он, пытаясь изобразить смех.

– Спасибо, маэстро Хабуа, – поблагодарил онталара Этро. – Мы с удовольствием дослушаем ваш вариант этой истории. Завтра, как и было оговорено.

– Да... как будет угодно, – согласился Хабуа, и, спохватившись, добавил: – господин.

Брат Римо подошёл к пустующей стойке. Положив несколько монет на поднос, он ударил костяшкой пальца в медный гонг, оповещая всех присутствующих о четверти часа дармовой выпивки.

– Это за беспокойство, – сказал Этро и двинулся к выходу.

Тэйд перевёл дух, потёр лицо руками.

Все вокруг радостно загалдели, будто ото сна очнулись, потянулись к стойке.

– Я тоже спать пойду, – попрощался с друзьями Билу.

– Чего рано так? – нахмурил лоб Саима.

– Настроения нет.

– Ты ему кто я не говорил? – спросил Тэйд, когда Билу ушел.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что я Исток.

– Сдурел что ли? – яростно зашипел Саима. – С чего ты взял?

– Не знаю. – Тэйд, невольно втянул голову в плечи и пригнулся к столу. – Он так на меня смотрел... мне показалось что знает.

– Отдохнуть тебе надо.

– Ну так что?

– Что «что»? – раздражённо переспросил Саима.

– Что делать будем?

– Не знаю.

– Где Крэч твой, обещанный?

– Не мой, Маана.

– Что он говорил тебе на счёт феа?

– Ничего конкретного. Сказал: жди Крэча и Тэйда.

– И всё?

– Сказал, что надо взять у него камень.

– И?

– И домой.

– Ясно. А если он вообще не появится? Передумал или не доехал, дорога дальняя всё может случиться.

– Может и не появится.

– И что тогда делать будем?

– Понятия не имею, – скривился Саима.

– Ещё подождём, или домой поедем?

– Пару дней, думаю, подождать надо. Для очистки совести.

– Ну давай, глядишь, караван попутный подойдёт.

– Согласен. Будет – хорошо, не будет – так пойдём. В Узун для начала, а там поглядим.

– Вдвоём? А цоррба не боишься?

– Ну хватит уже! – осуждающе одёрнул его Саима. – Это не смешно. А потом, если уж на то пошло, – он пощекотал длинным своим пальцем макушку задремавшего от безделья пееро, – с нами зверь пойдёт лютый и беспощадный.

Вир открыл один глаз и тихо зарычал, не на Саиму, естественно, так в пространство недовольство своё жизнью пеерей выплеснул. Этим он толи соглашался со сказанным: «Да, мол, можете полностью на меня положиться». То ли, наоборот, возражал: «Ты с дуба, что ли, ненароком рухнул? Головой надо сильно болеть, чтобы втроём по горам шастать, когда цоррбы рядом!»

– Переход долог и не безопасен, – сказал Саима, – и требует основательной подготовки. А, вообще, давай завтра это обсудим. – Он сладко зевнул. – Не порть вечер. Барг, верно, только-только новый бочонок с элем откупорил, не эль, а поцелуй Надиады, а ты мне всякой ерундой голову забиваешь! – Онталар повёл над кружкой носом, всем своим видом давая понять, что всё уже решил и за себя и за друга, а посему считает разговор законченным.

Тэйд встал:

– Хорошо. Я тогда спать пойду.

– Всё в порядке? – в косеньких от эля глазах Саимы мелькнуло искреннее беспокойство.

Тэйд подмигнул, подтверждая: всё, мол, в порядке (он был убедителен, будто и сам в это верил). Однако губы его предательски скривились, что могло означать только одно: всё, брат в порядке, да не всё.

Саима кивнул понимающе:

– Не нравишься ты мне что-то. Пойдём-ка провожу тебя.

Уже в коридоре, когда они скрылись от людских глаз, Тэйд прислонился к стене – вымученную улыбку сменила гримаса боли.

– Так я и знал, – подхватил его Саима.

Засуетилась проходившая мимо служанка Нара. Спросила с беспокойством:

– С ним всё в порядке, Саима?

– Да, – успокоил он, – иди. Хотя подожди, воды нам принеси, хлеба немного и сыра козьего.

– Хорошо. Воды умываться или пить?

– И той, и той принеси и ещё бутыль эля... Большую. Не открытую.

– Сей момент, – в кокетливом реверансе присела Нара, но, встретившись с Тэйдом глазами, осеклась и закашлялась: – Возьмите, а то темно, – она протянула Саиме подсвечник на три свечи.

В комнате было прохладно. Тэйд скинул камзол и, не говоря ни слова, опустился на кровать. Саима плотно затворил за собою дверь, подошёл к открытому настежь окну.

– Давно началось?

– Третий день.

– Третий?! Что ж ты молчал? Совсем сдурел?

Тэйд виновато пожал плечами, сморщившись при этом от боли. Линии кровавых пятен крест-накрест опоясывали тонкий ситчик его нижней рубахи.

– Может, снять твои железяки ненадолго? – Саима указал на вериги, опутывавшие грудь, плечи и шею Тэйда: сеть тонких серебряных цепочек снабженных крюками и зацепами, браслеты с шипами внутрь на предплечьях и запястьях.

– Ты что, сдохну... сразу, – отяжелённо дыша, ответил Тэйд. – Да ещё тебя с Виром прихвачу. Мне такой грех на душу брать ни к чему, – он попытался улыбнуться, получилось плохо... ну как плохо – ужасно. – Да и причём тут мои железяки? Это я как раз без них больше пары часов не вытяну. Уино меня задушит. Ты не переживай, я привык. Одиннадцатый год их ношу как-никак.

Тэйд попытался встать, но тут же со стоном повалился обратно. Его одолевали слабость и тошнота, голова раскалывалась от боли. Полежав с минуту без движения, он осторожно и медленно сел. Приоткрыв глаза, обнаружил, что видит всё как в тумане. Изображение двоилося: два лобастых лица Саимы, два широких носа, два срезанных подбородка, рядом два пееоро: два хвоста, четыре глаза, четыре уха. Он потёр измученные, блестящие лихорадочным блеском глаза: видение стало чётче, но картинка не изменилась.

«Два Вира это нормально. А вот Саима... Одного Саимы было бы более чем достаточно», – подумалось Тэйду, но он мудро предпочёл оставить своё мнение при себе...

***

Чтобы добраться к колодцу, Крэчу пришлось пересечь улицу и выйти на свет. Всё тело его, покрытое синяками и порезами, ныло. Вдобавок нестерпимо зудели раны деревянной руки: она, вот ведь какое дело, болела пуще обычной. И, вообще, чувствовал себя Крэч пре-скверно: на борьбу с Вейзо ушло много сил.

– Что же это ты делаешь, друг разлюбезный?

«А? Что?»

Крэч дёрнулся, сливаясь со стеной, и затих, не дыша. Слушая дальше уже с ножом в руке.

В тускло освещённом прямоугольнике окна второго этажа «Лиса», в какой-то дюжине шагов от него, появилась физиономия Чарэса Томмара. Он возложил локти на подоконник и, придавив скрещённые ладони подбородком, смотрел на то место, где затаился Крэч.

– Вылазь, поговорим по душам. Ты, надеюсь, понимаешь, что убил лишь тех, кого я и сам бы не сегодня, так завтра... – Чарэс выразительно щёлкнул себя по уху – древний как сама смерть жест, её же костлявую и обозначающий. – Ты выполнил за меня грязную работу. Качественно выполнил, ничего не скажу – проделал всё чистенько – в высшей степени профессионально. Спасибо тебе за это. Но, согласишься; нравятся они мне или нет, работа это для меня или потеха, значения ни имеет, я не могу позволить каждому встречному-поперечному убирать моих людей. Их воспитание, в конце концов, не твоя, а моя обязанность.

Крэч приподнялся. Ему до ужаса хотелось выглянуть из укрытия и поглядеть Чарэсу в глаза, но что-то остановило его, он молчал и слушал направленные в его адрес поучительные тирады.

– Ох, – деланно вздохнул Чарэс, судя по тону не нуждавшийся в ответах, – даже не знаю, зачем я тебе это всё говорю... скучно мне как-то, – было слышно, что он зевнул. – Вот что, милка моя, давай сделаем так: чтобы мои слова не показались тебе простым трёпом, порешим, что, независимо от намерений, места и сопутствующих обстоятельств, следующая встреча станет для одного из нас последней... Согласен? Нет?

Крэч молчал. Он и сам был не дурак пошутить, но после убийства двоих кьяльсо его чувство юмора слегка притупилось, и он не особо понимал, чем сейчас на самом деле занимается Чарэс. «А что? Может, ему действительно скучно? Вот и развлекает себя, как может».

Решив не развивать мысли, Крэч со всей доступной ему от природы и полученной путём многолетних тренировок осторожностью двинулся прочь, стараясь оставаться незамеченным, – подальше от оказавшегося удивительно словоохотливым господина Чарэса.

Глава 4. Тилриз

Текантул – Орден, бывший некогда тайным, а ныне тесно связанный с престолом Зарокийской Империи, деятельность которого непосредственно контролируется и направляется Императором.

Кеэнтор – глава Текантула.

Кнуур – дословно «слуга», рядовой член Текантула.

Слаабрант са Тирно. Бытие и сущее

Когда Левиор спешил в во дворе замка Тилриз и бросил поводья едва успевшему отско-
чить с дороги конюху, он чувствовал себя более чем превосходно.

Весь путь по бесконечным коридорам замка до кабинета Венсора ра'Хона он размышлял
о предстоявшей аудиенции: «Зачем, интересно, я так срочно понадобился кеэнтору?»

В передней навстречу ему поднялись Теор и Оинит (несменные телохранители Его Свя-
тейшества). Левиор приветственно кивнул им, скинул на руки Теора плащ, отдал меч Оиниту,
снял ремень с ножами. Таковы были правила в покоях кеэнтора, и Левиор, прекрасно зная
их, готов был подчиняться, однако, в который раз усмехнулся про себя: «Если бы эти олухи
могли догадаться, сколько ещё при мне оружия!» С этими, всегда веселившими его мыслями
он переступил порог небольшой – по зарокыйским меркам – залы.

Кеэнтор Венсор стоял на огромном балконе среди великого множества цветов и расте-
ний. Он смотрел во двор и, как показалось Левиору, находился в состоянии глубокой задум-
чивости.

Его Святейшество был дайру (провинциальная родовая ветвь северной Зарокии). Совер-
шенные, идеально правильные черты лица, чётко очерченные подбородок и скулы, прямой нос
с едва заметной горбинкой, припухшие веки. Две колькотаровые полосы по крыльям носа, –
символ Высшей Имперской власти – тянулись от линии волос на лбу к подбородку.

Выбеленные прожитыми годами волосы Венсора ра'Хона были подстрижены по послед-
ней имперской моде – коротко и весьма затейливо: рассечённые посередине лба на двойной
пробор, они были такой длины справа, что едва прикрывали ухо, слева же, разделённые рез-
ными диюровыми кри⁵ на прядки, свободно ниспадали на покатые плечи.

Левиор, никогда не гнавшийся за модой, смотрелся на фоне кеэнтора простоватым,
а большинство зарокыйских дам находили его и вовсе скучным. Всего одна бежевая, еле замет-
ная на смуглой коже полоска, сверху вниз через левое веко (отличительный знак старшего
кнура) пересекала его мужественное лицо.

Голос Венсора ра'Хона в тишине прозвучал холодно и неожиданно:

– Рад видеть тебя, Левиор.

– Приветствую вас, кеэнтор, – его взгляд скользнул на палевого рэктифа⁶, растянувшег-
ося у ног хозяина. Пёс казался ленивым и сонным, но Левиор знал, что эта, с позволения ска-
зать, «собачка» готова мгновенно превратить в кровавое месиво любого, кто попытается при-
близиться к Венсору.

– Где ты был всё это время? – кеэнтор повернулся. Оказалось, что в правой руке он
держит маленькие садовые ножницы.

Левиор стоял посреди каменных изваяний мистических крылатых людей: мускулистых
мужчин и красивых, обольстительных женщин, а также зубастых чудовищ и просто огромных

---

⁵ Кри – украшение, зажим, цилиндр, заколка, утяжелитель для волос, кос и хвостов. В некоторых частях Ганиса (при-
мер – Зарокыйская Империя) является внешним символом сословной принадлежности, особым украшением, знаком разли-
чия и служит символом власти.

⁶ Рэктиф – бойцовская порода собак. Крепко и гармонично сложена, мускулиста, подвижна.

зверюг. Зал был устлан шкурами и заставлен дубовыми и каменными кадками с экзотическими деревьями, многие из которых тянули к нему свои хищные, шипастые ветви. Всё было устроено так, что посетитель мог стоять только в заранее отведённом месте или двигаться по назначенному для него маршруту, не боясь вызвать гнева кеэнтора и не попасться в колючие древесные лапы. Левиор знал пару тропинок, вдоль которых росли особо коварные растения, куда ему заходить явно не следовало. Да и по другим тропкам путешествовать не было у него особого желания. Добрый хозяин ведь мог и не остановить загулявшего посетителя (не со зла, конечно, исключительно по неосторожности), а верные Теор и Оинит тут же заботливо пристроили бы тело неудачника на одной из городских свалок.

– Я был занят.

– Очень интересно, чем это? – кеэнтор подошёл к столу.

Он, судя по тону, был настроен благожелательно.

– Вы оторвали меня от важного дела, кеэнтор, – не греша учтивостью, произнёс Левиор.

– Напомню, что его тебе поручил Текантул.

– Но я...

– Не вижу ничего зазорного в том, что немного отвлек тебя, – Венсор требовательно постучал пальцем по инкрустированной золотом коже столешницы, но продолжил столь же благодушно, как и начал: – Мне нужно посоветоваться с тобой, Левиор.

– Я должен был остаться в Двух Пнях и руководить действиями своих людей, а вынужден находиться здесь... Дело в том, что приданные мне Вашим Святейшеством кьяльсо – весьма сомнительные личности...

– Какими и должно быть кьяльсо.

– Это, несомненно, так, кеэнтор, но они больше мешают мне, чем помогают.

– Что ты говоришь? Этот стервец Вейзо тебе не подчиняется? – Венсор поклацал ножницами. Отрезал подгнившую веточку. Отклонил голову назад и в сторону, сдвинул брови, оценивая результат.

«Попробовал бы он не подчиниться», – подумал Левиор.

Вслух же ответил уклончиво:

– Он пытается.

– Пытается? Каков шельмец, – ра'Хон сложил губы куриной попкой и закхекал, изображая то, что, видимо, считал благородным смехом.

– Не вижу в этом ничего забавного, кеэнтор.

– Знаешь ли, Левиор, я в этом тоже не вижу ничего забавного. Но ты, как мне казалось, научился ладить с кьяльсо.

– Да, но вы платите им, а деньги – не лучший способ заставить кого-либо рисковать жизнью.

– Они любят золото не меньше, чем свои жизни, я не вправе осуждать их за это.

Рэктиф у ног кеэнтора тягуче зевнул и втянул отвисшую слюну.

«Какая трогательная забота о душах воров и убийц звучит из уст Высшего кнура».

– Тем не менее, – сказал Левиор, – я должен предупредить, что в один прекрасный день эти душегубы предадут и вас, кеэнтор, и Текантул.

– Не сгущай краски, мой дорогой! Всё не так плохо, как тебе кажется. Может, ты знаешь, как нам обойтись без кьяльсо?

– Я считаю, что Текантул не должен пользоваться услугами наёмников. К тому же Вейзо, я уверен, преследует какие-то свои цели.

– Да? – Левиор, казалось, сейчас мало интересовал Венсора ра'Хона, который сосредоточенно оглядывал ствол экзотического растения, стоявшего в шаге от стола. – Ну хорошо, – медленно, после паузы, произнёс он, – я подумаю, что можно сделать. Продолжай.

– Пока мои подопечные находятся в Двух Пнях, схватить их, не привлекая внимания, представляется мне довольно трудной задачей. А вот когда они отправятся в Триимви, мы легко и без лишних проблем возьмём их.

Ножницы в руке кеэнтора застыли:

– Как скоро это произойдёт?

– Этой ночью.

– Этой ночью?!

– Да.

– Сегодня ночью, – уже совсем другим тоном повторил Венсор ра’Хон.

– Да, мой помощник сделает так, что они отправятся в путь этой ночью.

– Ты уверен, что он справится без тебя?

– Несомненно.

– Ручаешься за него? Как его там? Чарэс Томмар, кажется.

«Хорошая память!» – мысленно похвалил кеэнтора Левиор.

– Как за себя, – сказал он.

– Почему именно сегодня? Неужели нельзя было немного обождать? Было бы гораздо лучше, если бы ты присутствовал там и сделал всё сам.

– Вы читаете мои мысли, кеэнтор. Именно этот вопрос возник у меня в голове, когда я получил ваш приказ прибыть в Тилриз...

Венсор громко фыркнул:

– Два месяца от тебя не было никаких вестей. Я уж и не надеялся получить хоть какой-нибудь ответ. Хорошо, что в Двух Пнях тебя перехватил один из моих кнуров. Думаю, не столкнись ты с ним нос к носу, я ещё долго был бы лишён возможности лицезреть тебя.

– Я был занят – искал мальчишку.

– О да! Послушай, Шорт, что он говорит, – обратился к дремавшему рэктифу Венсор ра’Хон, от чего пёс лишь недовольно приоткрыл левый глаз. – «Я искал мальчишку!» Девять Великих! Он искал! Любого другого, осмелившегося игнорировать хоть одно моё послание, я отправил бы в подвалы башни Пяти Кругов Непогрешимости, непосредственно в ласковые объятия Кьегро Тавуа и его похотливых помощниц. Эти прелестные создания обучены такому... – кеэнтор поводит языком меж зубами и верхней губой, погладил бородку. – Не понимаю, почему я до сих пор не сделал этого? – Он немного помолчал и продолжил, более снисходительно: – Ладно, забудем. Объясни лучше – к чему такая спешка?

– Тянуть больше нельзя. Во-первых: Вейзо и его шайка так намозолили всем глаза, что ими начали интересоваться в Узуне. Во-вторых: могло так случиться, что Маанские выкор-мыши пристали бы к торговому каравану с приличной охраной или, хуже того, к одному из кетарских разъездов, что исправно патрулируют тракт на всём его протяжении. Или вы считаете, я поступил неправильно?

– Не знаю... Это не моё дело. Тебе поставлена задача, ты наделён соответствующими полномочиями. Для успешного её выполнения выделены люди и средства. Действуй, как считаешь нужным, но чтоб мальчишка был у меня.

– Понимаю, но есть обстоятельства, повлиять на которые я не в силах.

– Сегодня же возвращайся назад, и делай то, что должен!

– Но, кеэнтор, – попытался возразить Левиор.

– Никаких но! – Венсор был непреклонен. – Ты даже не представляешь, насколько этот юноша важен для Текантула!

– Для Текантула? – в вопросе Левиора явно слышалось: или для вас?

– Для всех нас! – раздражённо воскликнул Венсор, и лицо его побагровело. – В первую очередь для Империи!

«Девять Великих! Вы ещё не разучились краснеть, кеэнтор?»

- Он Исток? – безучастно спросил Левиор.
- Это так. Как ты догадался?
- Просто предположил.
- Тэйд са Раву нужен мне, – отрезал Венсор. – Ты отправишься назад сегодня же! Изволь приложить все усилия, чтобы быть на месте уже к вечеру послезавтра! И не говори, что это невозможно. Я не сказал тебе раньше, но до меня дошли слухи, что за мальчишкой охотимся не мы одни.
- В таком случае, может, мне его спрятать? Я могу увезти его так далеко...
- Возьми его для начала, а уж потом будем думать, как и куда спрятать.
- За это можете не беспокоиться: Чарэс своё дело знает. А что вы собираетесь делать с Тэйдом дальше? Отправите его на остров Каменной Рыбы?
- Пока не решил. Твоя задача – схватить его и доставить ко мне. Остальное тебя не должно волновать.
- Кьегро Тавуа знает, как обуздать бушующий внутри Истока Уино?
- Нет.
- Тогда, смею предположить, он может научить мальчишку его использовать?
- Нет.
- Кьегро нашел книгу?.. ту, в которой написано всё об экриал⁷.
- Да нет же!
- Что же тогда, Девять Великих, он знает? Зачем ему Исток? Или он просто хочет убить будущего экриал? Но Тэйд же может никогда им и не стать!
- Может и да, а может быть и нет.
- Что вы хотите с ним сделать, кеэнтор?
- Зачем тебе знать это?
- Из любопытства.
- Тебе не кажется, что ты стал задавать слишком много вопросов?
- «Кажется, – охотно согласился с кеэнтором Левиор, – но иначе с вами нельзя!»
- Ох, – вздохнул он, возможно чересчур наигранно, – не нравится мне эта затея.
- Не зли меня, Левиор, – тебе же хуже будет. – Венсор пристально поглядел ему в глаза. – Ты что же думаешь, я буду вечно терпеть твои выходки?
- «Думаю – да. Вы каждую нашу встречу говорите одно и то же, и ничего не происходит».
- Простите, кеэнтор?
- Не испытывай моё терпение, Левиор, оно почти иссякло.
- Я всё исполню, кеэнтор.
- «Костью лягу, – подумал он, – но мальчишку вы не получите!»
- Да уж, будь так любезен, – сказал Венсор, даже не подозревая, о чём думает его визави. – А с Вейзо поступим так: я дам ему другое задание, самостоятельное. Заодно и посмотрим, на что он действительно способен. Но за всё, как, впрочем, и всегда, отвечаешь ты сам. С головы Тэйда, без моего ведома, не должно упасть ни единого волоска. И не забывай, что он приёмный сын Маана са Раву и если тот узнает, что мы похитили его, у нас могут быть большие неприятности.
- Неприятности? От какого-то сиурта?
- Не «какого-то», а Высшего, члена Дэклата. А потом ты же знаешь... я уже говорил тебе о камнях Тор-Ахо?
- Упоминали, вскользь. – Левиор насторожился, эта тема была ему интересна.
- Ходят слухи что Маан и его помощники преуспели и несколько камней уже у него.

---

⁷ Экриал – маг с колоссальными возможностями, одновременно являющийся и творящим заклятия и неисчерпаемым источником Уино.

– У него есть помощники?

– Как минимум у него есть друзья. Слейх, например. Конз и Коввил... Камни Тор-Ахо могут дать Маану са Раву силу самих Богов! Впрочем, его можно понять, он хочет защитить свой народ, но и мы хотим того же, вот только «свои народы» у нас разные.

«Камни Тор-Ахо! Вот оно! – Левиор уцепился за эту мысль как утопающий за соломинку. – Или как карась за крючок. Не понятно пока, но скоро... Впрочем, поживем, увидим».

Он давно чувствовал, что ему не хватает цели в жизни: большой, значимой, такой за которую можно было эту жизнь отдать. Не задумываясь.

«Теперь вы экриал, – не так уж и давно сказал им в напутственной речи Магистр Хас, – перед вами открыты все пути, идите в мир, дети мои, и творите!»

И они ушли.

Прошло четыре года и вот он старший кнур Текантула, один из любимчиков (так говорили все) самого кеэнтора.

«Терризунг, Хегес, Досар, Реммиар, встречи, приёмы, интриги, задания Венсора – лёгкие и не очень – всё не то! Не для души. Видят боги это последнее в списке того чем я хотел заниматься!»

Левиор рассеянно огладил правую бровь.

– Полагаю, Маан должен понимать, что опасность в том, что с камнями он может фактически привести мир к гибели, – не совсем твёрдо заявил он, отчётливо осознавая, что говорит сейчас о том, в чём не смыслит ни грана. На самом деле он толком ничего не знал о камнях и заложенной в них Силе и, дабы не потерять лицо, вынужден был рисковать, демонстрируя ложную осведомлённость. Он потёр пальцами виски и продолжил гораздо увереннее, чем начал: – Но пока у Маана камней нет, и, вообще, будь они у него, я сомневаюсь, что кто-либо в Дэклате знает, как обращаться с заложенной в них Благодатью. Они опираются на предсказание грядущего Сиды Сароса, а это всегда было тем, что жрецы Ткавела с лёгкостью продавали народу. «Вот это я дал!»

– Год от года положение ухудшается, – согласился Венсор, не чувствуя подвоха. – Многие на самом деле верят, что приближается смутное время.

Левиор сделал вид, что обеспокоен.

– А оно приближается?

– Откуда ж мне знать, – хмыкнул кеэнтор. – Мир был слишком хрупок даже в лучшие времена.

«О да! Камни Тор-Ахо это то, что мне нужно. Интересно, таинственно и наверняка опасно! Этому можно посвятить жизнь! – Левиор мысленно улыбнулся, вспомнив, что магия гарантирует ему почти что бессмертие, и поправился: – Небольшой кусочек жизни!»

– А сколько камней у Маана, и сколько ещё ему осталось найти?

– Хороший вопрос, – ушел от ответа Венсор. Мне тоже интересно, сколько камней собрал Маан. Попробуй, может тебе удастся отыскать ответ.

«Попробую». Он кивнул.

– Но не в первую руку! Мааном са Раву и поиском камней Тор-Ахо и так занят не один десяток кнуров.

«О, я догадался об этом!»

– К сожалению, пока им удалось узнать слишком мало.

Левиор кивнул ещё раз.

«Почему я этому не удивлён, кеэнтор?»

В это время дверь за их спинами скрипнула, Венсор обернулся, махнул кому-то рукой.

– Я оставляю тебя одного ненадолго, – сказал он и, не дожидаясь ответа, зашагал к двери.

– Заждался меня, Левиор? – Венсора сопровождал сторбившийся старичок в серой хламиде со свитком, небольшой шкатулочкой в руках и старинным изрядно потрёпанным манускриптом под мышкой.

Не дойдя нескольких шагов до него, они остановились – видно было, что кеэнтор, тыча пальцем в сторону чучел, сделал несколько замечаний, а после, взяв из рук старичка шкатулку и свиток, направился к Левиору, оставив горбуна в одиночестве осмысливать сказанное ему.

Из-за тумбы вынырнула непонятная зверюшка (почти обычная домашняя кошка, правда без единой шерстинки на нежно-розовом тельце, с двумя длинными хвостами и большими миндалевидными глазами) и вприпрыжку, на ходу цепляясь лапками за полы мантии, поскакала следом за кеэнтором.

Она остановилась в шаге от Левиора и, склонив голову набок, принялась внимательно его рассматривать.

– Это моя любимица Зарлай, она карха⁸... – представил недокошку Венсор. Он пощёлкал пальцами, пытаясь подобрать подходящее слово для объяснения. – А, неважно, – так и не найдя определения, отмахнулся он. – Кархи, как и кошки, не очень-то ладят с рэктифами, потому она вынуждена жить здесь. Я сильно огорчусь, если найду Шорта мёртвым. Как зовут того онталара? – неожиданно спросил кеэнтор, возвращая разговор к самому началу.

– Простите, кеэнтор, какого онталара? – не сразу понял Левиор.

– Онталара, Левиор, онталара, того самого – ученика Маана са Раву.

– А, простите... его зовут Саима са Вир.

– Вот хорошо, – словно ребёнка, похвалил его Венсор и дружески похлопал по плечу, – уже успел обзавестись пееро? Можешь его убить, если захочешь...

– Пееро?

– Ну зачем же пееро?! – удивился кеэнтор, не уловив в тоне Левиора иронии. – Онталара. Неплохо было бы, чтоб ты побыстрее доставил Тэйда ко мне, – у кеэнтора, зловеще сверкнули глаза, он потёр ладонью о ладонь, радуясь внезапно пришедшей ему мысли. – Если хорошенько всё обдумать, с ним мы можем разыграть неплохую партию... Несомненно, мой дорогой Левиор, задачи, возложенные на тебя, требуют не только особых полномочий, но и соответствующих денежных средств... Жарг Лат – мой личный казначей – будет ждать тебя у входа и, надеюсь, оставит более чем довольным. Он же проводит тебя к выходу.

Левиор хотел было поблагодарить кеэнтора, но тот не дал ему такой возможности:

– Всё будет хорошо, мой друг! Твоё дело – выполнять приказы Светлого Совета. От себя лично могу добавить, что ты неплохо потрудился в Терзосе. Надеюсь, не оплошаешь и впредь! – он похлопал Левиора по плечу, как бы невзначай подталкивая его в сторону выхода. – Жарг Лат ожидает тебя.

– Воля ваша, кеэнтор, – Левиор сдержанно поклонился и вышел.

На сегодня у него были назначены две важные встречи, и как минимум ещё одна должна состояться завтра утром, так что, как бы ни хотелось Венсору ра'Хону поскорее спровадить его в Два Пня, а о скором отъезде не могло быть и речи.

«Что бы там себе не надумал этот напыщенный осёл, торопиться я не намерен. К тому же Чарэс способен управиться и без меня. Надо будет связаться с Тайлесом Хасом и сообщить ему о Тэйде. Сейчас же надо узнать побольше о камнях Тор-Ахо!»

– Господин Левиор! Я Жарг Лат, – назвалса невысокий толстячок, услужливо склоняясь и демонстрируя полированную лысину, – прошу следовать за мной...

---

⁸ Карх – разумное демоническое существо, обладает сильными магическими способностями.

***

...В большом камине весело и ярко пылало пламя. Высоко под каменным потолком на массивной деревянной люстре трепетали оплывшие свечи. Рядом с камином на медвежьей шкуре сидел мальчик. Рыжеволосый, веснушчатый, совсем ещё юный сорванец. На нём была замаранная, вся в цветастых заплатах, холщёвая рубаха с короткими рукавами и такие же куцы, залатанные во многих местах штаны. Перед ним, на полу, лежала квадратная доска зутторон? – тридцать на тридцать, квадраты трёх цветов: чёрные, белые, алые. На ней хаотично – как могло показаться непосвящённому, расположилось множество сегментированных цилиндров разных высот.

Мальчик раскачивал одну из фигурок, уперев в её наверхие грязный палец, и еле заметно улыбался, радуясь чему-то, одному лишь ему известному. Рядом у его босых ног удобно устроилась по-кошачьи мурчащая карха Зарлай.

Как ни странно, кеэнтор Венсор не только не кликнул Оинита и Теора, но и попросту не отругал оборванца, как поступил бы на его месте любой, даже менее знатный господин. Он обернулся и без тени удивления взглянул на застывшего в дверях рэктифа Шорта с занесённой в беге лапой и взметнувшимися ушами – время для всех находившихся вне пределов этой комнаты остановилось.

Остановился и Венсор ра'Хон, не дойдя до мальчика пяти шагов, – покорно склонил голову, сменив надменность на подобострастие.

Некоторое время всё так и продолжалось: ра'Хон молчал, мальчик в задумчивости касался пальцем то одной, то другой фигурки. Наконец, он поднял голову и взглянул на кеэнтора, вскинув в удивлении брови, будто только что заметил его.

– Тебе надо бы лучше приглядывать за Левиором, – совсем не детским голосом сказал мальчик.

– Конечно, Властитель, я знаю.

– Ты уверен, что он справится?

– Нет.

– А ты поумнел, – мальчуган улыбнулся, – моё общество идёт тебе на пользу. – Зарлай, – он повернулся к кархе, – принеси мне яблоко. Ты догадываешься, что не только къяльсо, но и Левиор играют свои игры?

– Да, догадываюсь, – замялся Венсор и втянул голову в плечи.

– Чего ты боишься? Это в порядке вещей, такова ваша сущность. Левиор – очень способный мальчик и очень сильный. Как думаешь, может, забрать его у тебя?

– Но, Властитель...

– Как ты умудряешься ставить два этих слова вместе? «Но» и «Властитель» стоят рядом – парадоксально, – в насмешливой улыбке мальчика показалась дырка между зубами.

– Но я...

– Зачем он Текантулу? Он же пальцем о палец для вас не ударит. Я видел, чему его учили. Ты же знаешь, наступит время, и он сам придёт ко мне, – парнишка поднял ладонь и принялся рассматривать монограмму на перстне – того самого, что мгновение назад находился на пальце кеэнтора.

Венсор дёрнулся, но смолчал.

– А зачем тебе Исток? – спросил мальчик.

– Я... эм...

– Ладно, играйся.

– Спасибо, Властитель.

– Не переживай, я верну твой перстень, – мальчик потрепал карху за ухом. – Зарлай, призови Сэг’Асалора. Надеюсь, он не сильно занят.

– Могу я узнать, зачем вы пришли, Властитель? У вас есть для меня задание?

– Нет, – малец коснулся сахарно-белой фигурки и растянул рот в ехидной улыбке, – я всего лишь хотел сделать следующий ход, кеэнтор...

Глава 5. Побег

Тэйд спал тревожно, чутко. Пробудило его холодное прикосновение – Саима зажал ему рот рукой.

– Молчи, – прозвучал шёпот у самого уха, – тихо.

Грань между сном и реальностью оставалась всё ещё зыбкой, и Тэйд замер, дожидаясь, пока схлынет терзавший его во сне ужас. Он вслушивался в окружающую тишину; сердце учащённо билось, тело покрывала испарина. Взглянул на сосредоточенное и обеспокоенное лицо склонившегося над ним друга и снова почувствовал тот же страх, что терзал его всю ночь.

Он попытался заговорить, но рука Саимы лишала его этой возможности. К уху вплотную, приблизились сомкнутые губы.

– Тихо, – и ещё раз, почти беззвучно, но настойчиво: – Ти-хо!

Саима взял подсвечник и медленно переставил его со стола на пол и только теперь кивнул Тэйду, указывая на окно.

– Там.

Рука разжалась.

Пригнувшись, оба подползли к окну. До смерти перепуганный Тэйд медленно приподнял, на уровень подоконника, голову, осторожно выглянул в темноту. Ничего не увидев, он перевёл взгляд на Саиму, и тот кивнул на сарай.

– Смотри.

– Где? Ничего не видно.

– Да вон же!

Тэйд взгляделся в темноту и, проследив направление взгляда Саимы, различил, наконец, скрюченную тень, крадучись продвигавшуюся от сарая к дому напротив.

– И ещё у колодца, слева, – шепнул Саима.

Тэйд осторожно повернул голову.

Вторая тень, причудливо изогнувшись, подражая очертаниям и изгибам, слилась со стеной дома и застыла прямо напротив их окна.

Вцепившись дрожащими руками в подоконник, Тэйд был не в силах отвести беспокойный взгляд от зловещей фигуры. Они терпеливо ждали, не смея заговорить или даже вздохнуть, дрожа от страха и ужаса, пытаясь уловить каждый шорох или скрип. Дождь слабо, но настойчиво забарабанил в стекло. Тусклый свет Оллата, проникавший сквозь окно, высвечивал бисеринки пота проступившие на лице онталара.

Тэйд безмолвно сполз на пол. Саима опустился рядом, машинально погладил настороженно взиравшего на него Вира.

– Что это? Что будем делать? – спросил Тэйд.

– Не знаю, но уходить надо немедленно.

– Ночью? Мы же решили...

– Ты, похоже, не понимаешь? – яростно зашипел Саима.

– Понимаю, я готов, просто это так неожиданно...

Тэйд вытер вспотевшие ладони о рубаху. Чувство, сильно похожее на панику, охватило его: он ничего не соображал и был сбит с толку.

«Хорбутовы когти, – подумал он, дрожа от ужаса, – во что мы опять вляпались?»

– Может, переждём до утра? Или шум поднимем?

– Ну-ну! – онталар был настроен куда решительнее его. – А это тоже переждём?

– Что... – Тэйд поглядел туда, куда указывал палец Саимы, и то, что он увидел, заставило его замолчать. – О боги, что это? – заикаясь, пролепетал он, ощущая удушливый ужас.

Сквозь дверные щели в комнату вползали тонкие струйки тумана: зыбко-изумрудные волокна плавно перетекали с предмета на предмет, пробираясь меж ножками табурета, ныряя под кровати, воровато вползали под висевшую на вешалке одежду.

В комнате воцарилось зловещее беззвучие, а затем, после нескольких секунд тишины, послышались слабые звуки; странные, жуткие.

Тэйд и Саима напряжённо вслушивались в кочующие по коридору шорохи и скрипы. Страх мурашками пополз по коже, комнату заполнила непроглядная тьма, и тут Тэйд услышал, как кто-то или что-то скребётся в закрытую дверь.

«Что за наваждение?» – он сглотнул, похолодев от ужаса, и, не оборачиваясь, потянулся к столу, пытаясь нашарить хоть что-то, могущее послужить ему оружием.

Он встал. Сделав шаг назад, он вдруг явственно почувствовал, как что-то коснулось его шеи сзади, и тут же, схватив лежавшую на столе вилку, полоснул ею наотмашь... но за спиной никого не оказалось...

– Ты в порядке?

– В порядке? – голос Тэйда дрожал и был подавленным. – Сильно сомневаюсь, – заикаясь, произнёс он. – Я точно не в порядке...

– Дай-ка мне вилку. Потерпи немного, я тебя выведу.

– Хорошо, – нехотя ответил Тэйд, но, несмотря на то, что согласился и протянул руку, долго ещё не мог разжать пальцы, чтобы отдать своё трёхзубое оружие. Разум его словно онемел, глаза безумно металась по комнате – от страха он был близок к помешательству.

В коридоре послышались мерный стук и похожие на шаги звуки, провернулся и щёлкнул механизм дверного замка.

– Вир! – Тэйд, скорее, ощутил, нежели услышал шёпот Саимы.

Маленькая тень пееро беззвучно сорвалась с плеча онталара и стремительно скользнула к двери. Видно лишь было, как блеснули возбуждённые опасностью колкие глазки аколита и вздыбилась на загривке шерсть.

Замок щёлкнул ещё раз и нехотя поддался, дверь скрипнула и приоткрылась.

Отважный пееро в ту же секунду шмыгнул в проём, и Тэйд уловил еле различимый шорох и хищное шипение. Дрожа всем телом, юноша вжался в стену, боясь не только пошевелиться, но даже дышать или думать. Все звуки враз стихли, и он снова напряг слух, тщетно пытаясь определить, где могут находиться нападавшие и сколько их.

Саима бесшумно двинулся к выходу, пееро вынырнул из темноты и мгновенно взлетел к нему на плечо.

В коридоре было черно, да и только – никакого намёка на незваных гостей, кем бы они там ни были, а сильно напугавший друзей изумрудный туман исчез так же незаметно, как и появился.

– Вир, тут же никого нет? – яростно зашептал Саима. – Морок какой-то, – он взглянул через плечо на привалившегося к стене Тэйда.

Пееро обиженно фыркнул, что могло означать лишь одно: «Уже никого нет. Уже!»

– Что делать? – еле ворочая языком, медленно, словно во сне, спросил потерявший способность соображать Тэйд.

– Собирайся!

– Что это было?

– А пёс его знает! По мне, так по-любому лучше в лесу досыпать, чем здесь, – раздражённо бросил Саима.

– Ну не скажи. Хотя... Это что? – Тэйд указал на подсвечник. Горели только две крайние свечи, огарок третьей дотлевал слабым зеленоватым дымком.

– Нара мне их дала.

– Зачем?

– Понятия не имею.

– Я должен знать...

– Не сейчас, Тэйд.

– Но...

– Да что с тобой?! Хватит! – Саима завернул огарок свечи в платок. – Потом всё выясним. Сейчас на это нет времени. Шевелись давай – мы уходим!

Онталар быстро упаковал отчасти уже собранные пожитки в две дорожные сумы, заодно прихватив две лепёшки, сыр и бутылку с элем. Скрутил с кровати шерстяные покрывала.

– Как только выйдем на улицу, не говори ни слова. Иди за мной и не отставай. Просто иди за мной! – два раза для верности, видя состояние Тэйда, повторил онталар и сунул ему в руки плащ и дорожную суму. Он написал что-то на клочке бумаги, выудил из кармана несколько монет, – Надеюсь, этого достаточно и старина Барг не будет на нас в обиде. Идём, быстро! – Саима задул две оставшиеся свечи и, не обращая внимания на кислую физиономию Тэйда, растворился в темноте коридора.

Кое-как собравшись с духом и всё ещё не отдавая себе отчёта, что и почему делает, Тэйд сомнамбулой, боясь отстать, торопливо двинулся следом за другом.

Оллат, должно быть, опять спрятался за тучи, потому как после того, как погасла свеча, стало совершенно темно. В коридоре можно было ориентироваться только на ощупь, и путь вдоль стены и вниз по лестнице к широкой двери занял у них несколько минут.

Общий зал «Лиса» после загромождённого мрака показался Тэйду почти что оазисом света: бледный отчётливый отсвет окон на полу, проблески полированных столешниц и точёных ножек перевёрнутых стульев на них, стойка, камин и даже отблеск начищенного медного крана в бочонке с элем. Тэйд оглядел помещение, и его пробрала дрожь от того, насколько всё, ещё вечером казавшееся ему уютным, стало холодным и безжизненным.

Медлить было нельзя, Саима осторожно распахнул массивную дверь, выглянул во двор. Спустя секунду он махнул Тэйду рукой, и они неуверенно шагнули из дома в неизвестность.

Ветер сдул тучи – развиднелось: выглянул Оллат в окружении серебряных звёзд, выплыл царственный Сарос. До рассвета оставалось что-то около часа, и вскоре жители Двух Пней начнут просыпаться. Друзья пытались двигаться быстро и бесшумно, но и то и другое у них получалось не так хорошо, как хотелось.

Рядом с сараем онталар немного помедлил, прислушиваясь. Он закрыл глаза и простоял недвижимый около минуты, затем нагнулся, опустил руку к земле и выпустил Вира.

В ту же секунду Тэйд, услышав шорох за спиной, обернулся, но ничего не увидел, а когда повернул голову назад, онталара перед ним уже не было. Он хотел было спросить, куда идти, как уловил краешком глаза мелькнувшую справа тень. Повернув вслед движению голову, увидел Саиму, вжавшегося в бревенчатую стену сарая, совсем рядом, всего-то в паре шагов от него.

Тэйд так и не понял, как всё получилось, хотя уже после увидел синяк на лице друга и кровь у него на предплечье и на навершие посоха.

Помнилось ему только, что в один момент размытый силуэт бросился на онталара... отчётливо выделась сверкнувшая в свете звёзд сталь клинка, а уже в следующий момент увидел Саиму, наносившего хаотичные удары посохом, куда-то в темноту...

Услышал сдавленный вздох и увидел, как онталар бережно опускает чьё-то обмякшее тело на землю.

Как обхватив его – Тэйда – лицо ладонями, Саима беззвучно шевелит губами, вернее всего, что-то говоря ему... А потом ощутил жар на левой щеке... и на правой...

...Отвесив ему очередную затрепину, Саима приложил палец к губам, призывая к молчанию.

– Очухался?

Тэйд неопределённо мотнул головой.

Саима встряхнул его за плечи.

– Я спрашиваю – ты очухался, или ещё сомневаешься?

– Ага...

– Что «ага»?

– Очухался.

– Ну-ну. Уходим, – нетерпеливо шепнул Саима и решительно шагнул в темноту.

Глава 6. Таррат

Сиурт – маг, заклинатель, исключительно из онталаров, практикующий стихийную магию. По природе своей неспособные к высвобождению чистого Уино онталары, решившие посвятить свою жизнь магии, получают его «облегченный» аналог от зверьков пееро, с которыми пожизненно связывают себя магической нитью. Потеря пееро означает для сиурта полную изоляцию от источников Уино и ведёт к невозможности творить даже самые несложные заклинания.

Калав Мару. Природа Стихийных всплесков

Малыш Раву взвился в воздух и неистово завертел хвостом. Лапы воинствовавшего пееро были нацелены прямо в грудь сопернику, занявшему оборонительную стойку. Преодолев в полёте две трети пути от шкафа к столу, он немисливо изогнулся: кувырок, ещё один. Пееро был почти что точен и приземлился в каких-нибудь паре миллиметрах от застывшей цели.

Однако Табо его ждал и атаковал мгновенно, не давая опомниться. Серия коротких ударов передними лапами, два обманых движения. Выпад, ещё один. Удар. Удар!

Раву шипел, пытался, уворачивался, и...

– Да что ты будешь с ним делать! Ну-ка прекрати немедленно. – Маан налету подхватил сбитый забиякой Раву подсвечник с неуспевшими ещё погаснуть свечами и поставил на стол. – Я вижу, ты, мил дружок, пока дом не спалишь, не успокоишься.

Противники заговорщически переглянулись и нехотя разошлись в стороны.

– Не обращай внимания, Маан. Здесь нет ничего такого, за что стоило бы ругать этих замечательных пееро. Они же без когтей.

Коввил са Табо – высокий и чрезмерно тощий онталар с длинными жилистыми руками. Острые черты его лица смягчались теплотой взгляда больших круглых глаз цвета тёмного янтаря и оттопыренными ушами.

– Немного Истинского? – покрутил зелёную бутылку хозяин. – Рекомендую, отменнейший, я тебе доложу, в пятьдесят седьмом был урожай.

– Я, друг мой, как и прежде, предпочитаю вайру. Пока ещё не нашёл ничего лучше кружечки этого огненного напитка, особенно сдобренного тёртым кибийским орехом или долькой сирду, – Маан са Раву поднялся и подошёл к окну. Он отодвинул замусоленную занавеску и окинул тёмную улицу взглядом. – Интересное какое место.

– Ты про Таррат, или...

– ...и про Таррат тоже, – Маан вернулся к столу и постучал по краю бокала тем местом, где у людей и прочих обычно бывает ноготь, давая понять, что пора бы этот самый бокал наполнить. – Дыра, похоже, каких поискать. Что-что, а устроиться с комфортом ты всегда умел.

– А что ещё мудрецу надо? – искренне удивился Коввил.

– Проповедуешь аскетизм?

– В той или иной мере. Удивительно, что ты до этого ни разу не был в Таррате.

Комната, в которой жил Коввил са Табо, действительно была обставлена мало сказать, что просто: чёрный камин, пара потемневших от времени деревянных стульев, два стола – большой круглый в центре и маленький низкий у окна. Кровать, в изножье широкий окованный железом сундук. На столике у окна отсвечивала лаком квадратная трёхцветная доска зутторон с цилиндрическими фигурами – участниками отложенной партии, остальные – вышедшие из борьбы – покоились рядом в компании свитков и нескольких переплетённых в кожу манускриптов с сиявшими серебряными застёжками. Вот и всё нехитрое убранство: ни картин на стенах, ни коврика на полу. В углах притаились сумрак и паутина. Свет слабых огоньков двух масляных ламп да запах готовившейся еды немного оживляли интерьер.

Сиурты подняли бокалы, выпили.

Уставшие от боёв, Раву и Табо сопели, пригревшись на мягких хозяйских подушках.

– Ты, я смотрю, все книги свои в это захолюстье перетащил. – Маан достал кiset и принялся набивать диоровую, отделанную серебром свою трубку.

– Всего-то пяток самых любимых.

– Плесни-ка мне ещё и скажи: слышал ли ты что-нибудь о камнях Тор-Ахо? – На этих словах Маана замерцала и погасла одна из масляных ламп, освещавших стол. В комнате стало заметно темнее.

– Разумеется, слышал.

Маан склонился, приподнял стеклянную колбу, заглянул внутрь лампы.

– И что ты слышал?

– То, что камней пять, что создал их Алу'Вер Великий и что обладают они огромной силой. А ещё что Арикус с их помощью вырастил дерево Алай-Дэата и тем спас кучу народа. – Коввил наполнил бокалы. – Да что ты там возишься, Огненный? Оставь эту лампу в покое!

– Масло есть?

– Оставь, говорю!

– Что ты рычишь? Я собираюсь сообщить ему нечто такое, что изменит всю его жизнь, а он на меня рычит.

– Этого-то я и боюсь...

– Тебе неинтересно?

– Извини, Огненный, – пошел на попятную Коввил. – Мне интересно.

– Несколько лет назад, – как всегда издавек начал Маан, – искал я в храме Эрафиха, что на острове Горт, одну книгу и наткнулся на древний-предревный манускрипт – натурофилософические изыскания Лаара Софегарского. Целый ряд внушительных томов под общим названием «Источник мудрости мира», датированных 2627 годом. По календарю Кироффе разумеется. Преинтереснейший трактат, должен отметить. – Маан пристроил трубку на специальную подставку и нырнул под стол. Притянул за ляжку суму. – И с собой у меня кое-что интересенькое есть – сборник гравюр, ты должен оценить. Сейчас-сейчас... – Он достал, маленькую поместившуюся на трети ладони книжицу.

– Что это? – подался вперед Коввил. – Покажи.

Маан сдул пыль, отчего-то густым слоем покрывавшую тиснёную кожу. Освобожденная от груза внезапно заискрившихся пылинок книга, на глазах начала увеличиваться в размерах.

– Древняя магия, Ковв, древняя магия, – разулыбался Маан, увлечённо перелистывая страницы разбухшей до неприличия книги. – Не одна тысяча лет ей, а она как новенькая... А! Вот, смотри, нашёл, кажется.

Коввил придвинулся ещё ближе, сосредоточенно сдвинул брови.

На представшей его взору гравюре был изображен молодой греол в тёмном одеянии с импозантной внешностью, длинными волосами и благородными чертами лица. Он стоял у атанора, держа перед глазами овальный сосуд с множеством спиральных ответвлений, и всматривался в его мутное содержимое. Маан провёл тыльной стороной ладони по пергаменту, словно смахивая пылинки. «Алу'Вер Великий создаёт тинктуру огненного золота. Внизу стояла дата: 756 год от снисхождения на Ганис», – гласила витиеватая подпись.

– Не то. – Маан послунял палец и перелистнул страницу.

– Ты погляди, какой молодец! – воскликнул Коввил. – Эти даты... они что? Не пойму... По календарю Кироффе?

– Нет, это древнегреольские хронографы, – Маан задумался. – По Кироффе был бы минус 2595 год, а по Зарокийскому от рождения Аравы... – задумался ещё, но ненадолго, – выходит, аж минус 6981-й.

– А что ты ищешь?

– Не спеши. Вот, смотри... Ага: «Исторический момент создания и утвержде...» Ан нет. Снова мимо. Погоди, сейчас я её найду, – Маан азартно листал книгу. – Вот! Точно. Смотри.

На гравюре был изображён всё тот же Алу'Вер, перед которым находились три сосуда – хрустальные карибистолы. Ещё две великий первооткрыватель держал в руках. Повсюду, в углах и на свободном пространстве, как это обычно бывает на подобного вида гравюрах, находились пояснительные надписи и схематики процессов. Над головой греола изображены две ладони и витавшие над ними треугольные призмы со стихийными знаками на гранях. Витиеватая надпись по верхнему краю сообщала: «Алу'Вер Великий соединяет камни Тор-Ахо». Даты из-за оторванного края видно не было.

– Красиво, – оценил Коввил, – и что?

– А то, что ты совершенно прав и камней Тор-Ахо действительно пять: Сэл – Воздуха, Олир – Воды, Роу – Тверди, Аар – Огня и камень Уино – Орн.

– Да это и без картинок было ясно. А почему, кстати, камни? – поднял голову от книги Коввил.

– Да нет же, конечно, это не камни. Карибистолы со стихийными субстанциями. Почему-то древние их называли камнями, но нам-то что с того?

– Странно, ты не находишь?

– А тебе не всё равно? Камни – так камни, сути дела это не меняет.

– Ох, как же всё запутанно.

– Да, есть немного. У самого мозга опухли пока разобрался.

– А это что за две призмы над головой у Алу'Вера? – Коввил ткнул в гравюру чубуком трубки. Прочитал пояснение: – Тор – сторона тьмы, Ахо – сторона света. Тор-Ахо, Свет и Тьма. Хорошо, хоть это понятно.

– Наоборот.

– Пусть так – Тьма и Свет. Что это за призмы лучше скажи?

– Не важно. Не обращай ты внимания на всякие глупости, – Маан для верности накрыл верхнюю часть гравюры четырёхпалой ладонью. – Знаешь же прекрасно сам, что все эти звёздочки, картинка, надписи – не более чем стилистические прикрасы. Ты скажи ещё, что крылья у Алу'Вера на первой гравюре настоящие, а не художественный вымысел.

– Не настоящие? – вполне искренне изумился Коввил.

– Нет, – Маан задорно щёлкнул пальцами, глаза его полыхнули огнём азарта. – Плесни-ка мне, ещё, что ли, винца, язви его.

Коввил потянулся за бутылкой.

Весело, наполняя воздух терпкими ароматами сирду и васарги, забулькало Истинское.

– Два из них у меня, Ковв, – Маан взял бокал и сделал пару хороших глотков.

– Что? Камни?

– Да. Вернее, один у меня, а другой у моего друга – Крэча Древорука. Саима к нему поехал. Но оба камня мои.

– Вот это поворот!

– Они в Двух Пнях, должны встретиться.

– Какой из камней у тебя?

– Сэл.

– А Саима какой должен привезти?

– Олир.

– Ну дела. – Коввил сдвинул брови, озадаченно поводит пальцем по мочке правого уха – это был привычный для него жест.

Маан посмотрел на вино в бокале, прислушиваясь к далёким раскатам грома.

– Отчего, друг мой, такая хмурая погода? В это время года да такие грозы? Славный Триимви не намного южнее твоего любимого Таррата, но там куда как теплее.

– Гроза? Эка невидаль. Восточное побережье острова, злые ветра, холодное море, столкновения северных течений с южными. Здесь всегда так, лета нет, но и полноценной зимы тоже не бывает, вечная осень.

– Холоднее, я так понимаю, уже не будет?

Коввил кивнул:

– Теплее тоже. Да ты не отвлекайся, – нетерпеливо заёрзал он, – дальше давай рассказывай.

Маан вдохнул дурманящий запах Истинского и осушил бокал залпом, после чего произнёс, сильно понизив голос:

– Сэл и Олир, Ковв, Сэл и Олир, а ещё мне известно, где находится Аар. – Он потянулся и взял кيسет из предательски дрогнувших пальцев неожиданно разволновавшегося друга. – Предполагаю где можно найти Роу.

Коввил нетерпеливо заёрзал, замял ладонями:

– Сэл, Олир, Аар и Роу. А Орн где знаешь?

– Точно не знаю. – Маан втянул воздух ноздрями и изобразил на лице лёгкую растерянность, что, впрочем, было недалеко от истины. – Но у Софегарского есть пара намёков, с помощью которых, надеюсь, мы отыщем и его. Он совсем рядом, по прикидкам в Гевере – у санхи. Но даже не это главное, Ковв, разве незнание деталей и предстоящие трудности когда-нибудь останавливали таких храбрых ребят как мы? У нас есть время, есть желание... – тут он осёкся. – У нас есть желание?

– Есть, – заверил его Коввил, – и большое. Ты уверен, что карибистола Орна в Гевере? Странно это как-то – жрецы Ткавела и камень Тор-Ахо.

– Совсем не уверен, но Слейх обещал мне, что в ближайшее время проверит достоверность этой информации.

– Как он?

– Не хуже нас с тобой.

– А воспитанница его...

– Инирия. Тоже хорошо. Боевую девицу Слейх, я тебе скажу, вырастил. Она несколько лет у его сестры Лайзы на Кайце жила, там её сам Леррхар Ноо искусству Гэмонтт-рам обучал. Она и с луком на «ты» и с ножами и с мечом. С секретиком, в общем, у Слейха девчулька. Молодец.

– Он или она?

– Оба.

– Она же, кажется, Тэйду ровесница? Давно её видел?

– Ой, давно, встречу сейчас – не узнаю, наверное. – Маан принялся наново набивать трубку. – А сколько Нире сейчас лет Слейх и сам не знает. Он её уже взрослой у Водного Среза нашел, лет десять ей тогда было, или около того, точно же не определишь, а сама она не помнила. И сейчас не помнит.

– Ну да, ну да, – с пониманием покивал Коввил, – и такое бывает.

– Инирию, думаю, Слейх в Гевер и пошлёт...

– Одну что ли, за Орном? В этот гадюшник?

– Не такой уж Гевер и гадюшник, да и не за Орном он её пошлет, а осмотреться, узнать по возможности, что да как. Гевер город хоть и не очень большой, но кроме санхи в нём и обычные люди живут, и достаточно много. Затеряться есть где. А Инирия, если по словам Слейха судить, девчонка очень даже себе не глупая. Получше нас сообразит, что делать можно, а чего нельзя.

– Ну хорошо, коли так. А Аар и Роу где?

– Здесь, Ковв! На Ногиоле! Оба! Представляешь, какая это для нас удача!

– А поконкретнее?

– Аар – прямо под нами, в подземельях Таррата. – Маан дыхнул в чашечку трубки и табак в ней тут же зарделся алым. – Роу, за ним я давно слежу, летом был перевезён из Дорговара на Ногиол. Место точно сказать не могу, но думаю, с твоей помощью мы это быстро выясним. Тебе известно седьмое пророчество Аравы?

Коввил огладил пальцем верх своего оттопыренного левого уха.

– О Сиде Сароса и Небесном древе Алай-Дэата? – спросил он.

– Да.

– Хочешь сказать, что сила, на которую так в своём пророчестве напирал Арава, и есть камни Тор-Ахо?

Маан заглянул в янтарные глаза друга.

– Вот именно.

– Уверен? – спросил Коввил, – а то будем, как Керитон Четырёхрукий – кеарский оружейник, который создал четыре великих клинка, а затем Алу'Вер, ему подсобить решив, наложил на них столь сильное заклятие, что за несколько тысяч лет никто так и не смог вытянуть из ножен хотя бы один.

Маан выдохнул, над трубкой, которую он держал в руке, волоском поднималась струйка табачного дыма. Сиурт некоторое время в задумчивости смотрел на неё, затем качнул рукой, сизая нить заколыхалась, свиваясь в спираль.

– Хорошие, видно, мечи создал твой Керитон, – сказал он.

– О да! Отличные.

Немного помолчали – каждый думал о чём-то своём. Первым внутреннего напряжения не выдержал Маан, он навалился на стол грудью и вновь, как давеча, с затаённой надеждой заглянул другу в глаза:

– Хватит уже ходить вокруг да около, Ковв, ответь прямо – ты идёшь со мной в подземелья Таррата или нет?

Взгляд Воздушного поразил его количеством таившихся в нём противоречий, но уже за мгновение до того, как услышал ответ, Маан понял, что выиграл это сражение.

***

– Да, были времена, – Коввил листал одну из привезённых Мааном книг.

– А какие маги были.

– Допустим, подобные им самородки, рождаются и сейчас.

– Ты про экриал? – Маан придвинул к себе плетёнку с яблоками. Взял одно.

– Про них, родимых.

– Читал «Стихийные всплески» Калава Мару?

– Читал.

– И как тебе?

– Не нам с тобой, Огненный, экриал завидовать.

– Есть чему позавидовать, Ковв, есть. Сиурт без пееро не маг. Я без моего Раву и свечи не зажгу, тогда как экриал всегда полон Уино и в каждый момент времени волен сотворить любое заклятие, на которое способен.

– Это да, но нам с тобой и переизбытка Уино бояться нечего. Экриал же, если что...

Маан махнул рукой, закивал удручённо.

– Прости, – поспешил извиниться Коввил, поняв, что затронул болезненную для него тему. – Как Тэйд?

– Терпимо, он у меня молодец – держится. Он-то вот и без чародейства всю боль на себя принимает, на дармовщинку, заметь, – Маан погрузился в размышления, невольно сравнил Саиму и Тэйда: у одного есть знания, у другого – Уино, и ни один не может воспользоваться

тем, что имеет! – Делать ничего не делает, – продолжил он с сожалением, – а живёт как на вулкане. Ему, если честно, эта магия нужна, как красавцу Хорбуту жемчужные серьги.

– погоди, ты смог его научить управляться с Уино?

– Нет конечно, думай что говоришь! Как я его научу? Райза сказала, чтоб я даже не пытался на Тэйда воздействовать, если не хочу что бы он у меня на руках умер. У них всё по-другому, Ковв! Всё! Столько Уино в пустоту уходит...

– Так ты что, из-за того злишься, что сын у тебя Исток, а толку от него никакого?

– К словам-то не придирайся. Мне от него ничего не надо, только чтоб ему было хорошо, – сказал Маан и засомневался, что-то ворохнулось в глубине души, не давая покоя: «А в самом ли деле так?»

Молчание затянулось. В конце концов, Коввил спросил:

– Где Тэйд сейчас?

– С Саимой.

– Ого, – присвистнул Коввил, – помогает, значит папке!

– У меня не было выбора, – Маан катнул яблоко по столу.

Коввил остановил его, откусил, поморщился.

– Кислятина. Взять и до места донести порою бывает сложнее, чем добыть.

– У них всё получится, – повторился Маан. – Саима знает, что делать, Тэйду тоже пора к делам приобщаться.

– Не боишься, что слуги Триждырождённого охотиться за ним станут?

– Типун тебе на язык! Боюсь, конечно, а что делать! Не могу же я его всю жизнь как девочку маленькую опекать. Ему семнадцать, у некоторых в этом возрасте меч на поясе, жена, пара-тройка детишек да хозяйство не малое.

– А некоторые и в тридцать по академиям штаны просиживают, и это далеко не самый худший вариант... Такие времена, Огненный, такие нравы.

– Я его обязательно вытащу, Ковв, не сомневайся. Мне бы вот только листы из книги Рау'Сала отыскать.

– Кстати, о книгах, что там у тебя ещё с собой есть?

– О! – Маан, похлопал суму по тугой брюшине. – У меня тут такое... Представляешь, в одной из книг Софегарского есть карта доразломных земель.

– Ты привёз её с собой?! – Коввил, казалось, позабыл, как дышать.

– Да, – с довольной улыбкой подтвердил Маан. – И ещё несколько карт, точнее атлас. Подборка копий, специально сделанных по моему заказу одним иссальским мастером.

– Так что же ты молчал?! Давай всё сюда. Сам ложись спать, а я... – Коввил довольно крикнул, потёр ладони. – Ночка, чувствую, у меня длинная будет.

Глава 7. Гевер

*Страх убивает разум, первую и самую желанную его жертву.
Рио Бо. Формы и причуды. Гэмонтт-рам как искусство жизни*

Н. Д. Начало осени. 1164 год от рождения пророка Аравы Кетария. Седогорье. Гевер

Скрип половиц, донесшийся из библиотеки, заставил крадущуюся к выходу Инирию остановить дыхание и замереть. Девушка осторожно выглянула из-за ширмы. Огляделась – никого. Прислушалась – тихо.

«Почудилось», – рука сама собой потянулась к одному из потайных кармашков широкого кожаного ремня, куда был надёжно упрятан только что добытый камень Тор-Ахо. В какой-то момент Инирии показалось, что карибистола задрожала и ответила теплом на её прикосновение, но это была лишь иллюзия: Орн был холоден, как и тысячи его обычных собратьев, не отягощённых магической составляющей.

Нира запахла плотнее плащ и, потихонечку, стараясь не создавать лишнего шума, направилась к выходу, но уже через несколько шагов снова была вынуждена остановиться:

«Опять этот звук? Дверь? Нет вроде. А что тогда? Неужели санхи очухались? Как это некстати! Ну не может же мне везти вечно. – Искать другой путь к выходу времени не было и она затаилась, слилась с портьерой, уверенная что ни один, даже самый острый взгляд, не в силах уловить искру жизни в её застывшей фигуре. – Странно всё это: опущенный мост, незапертые двери. Они тут что, Хорбутовы дети, совсем с ума посходили? Или, может, всё подстроено? Неужели это ловушка?»

Храм Ткавела, а скорее безалаберность его обитателей, превзошел все Нирины ожидания: ни тебе охраны, ни разгуливающих по коридорам голодных рэктивфов, ни защитной магии; до смешного примитивные замки, открыть которые способен любой крестьянин. А ведь она, поначалу, и предположить не могла, что получится вот так, просто, зайти и взять вожаделенную карибистолу! Не выкрасть, усыпив охрану Сон-дымом, не проломиться с боем, одержав победу над полудюжиной санхи, а открыть несколько простеньких замочков, пройти по мягким коврам в библиотеку и взять. Мыслимо ли такое! Она и шла сюда не за этим, хотела лишь осмотреться и понять насколько серьёзная в замке охрана, и может, если сильно повезёт, узнать, где камень хранится. Она, конечно, предполагала где (говорливых и среди санхи было полно), но до верного не знала. И взять его потому решила не сразу – долго стояла, опешив, глядя на драгоценную карибистолу, не веря глазам своим; не понимая, как это он лежит перед ней прикрытый лишь тоненьким стёклышком, будто не могущественный амулет древности, а какой-то заурядный новодел, творение провинциального алхимика! И лишь когда взяла Орн в руки поняла, что обратно его уже не положит.

«Совсем душой надо быть, чтобы посмотреть на камень, развернуться и уйти!»

За спиной послышался шорох, донёсшийся из глубины зала. Инирия вздрогнула и медленно повернула голову... Она стояла, затаив дыхание, и с ужасом смотрела на выбивавшуюся из-под двери дрожащую полоску неяркого света...

Звук повторился.

Теперь она отчётливо различила шелест бумаги и... шепот. Рука сама поползла под плащ, легла на рукоять кинжала. Стараясь ступать как можно тише, Нира двинулась к выходу. Скрежет открывавшейся двери заставил её отшатнуться.

И тут из глубины коридора донеслись тревожные крики.

Она почувствовала, как бешено заколотилось её сердце, и заставила себя успокоиться. Поняв, что идут в её сторону и таится больше нет смысла, она стремглав кинулась к двери, одной рукой придерживая полы плаща, другой пытаясь нащупать виновницу всего с ней происходящего – карибистолу Орна.

Нира бежала, нет – летела к выходу. Анфилада огромных залов. Коридор, ещё один, ещё. Лестница вниз.

Проскочив на одном дыхании несколько пролётов, поняла, что окружена и дальше дороги для неё нет. Снизу стояли трое санхи в бардовых одеждах с обнажёнными мечами. Сверху за ней гнались ещё двое, в чёрном. И, судя по гомону, с каждой секундой жрецов становилось ещё больше. Один из санхи заметил её и тут же громко закричал, указывая в её сторону.

«Легко, говоришь, всё у тебя получилось? Ну-ну!»

Внезапно Нира осознала, что всё меньше доверяет интуиции и именно это ослабляет её теперь, в момент опасности. Не зря один из старших арканов Гэмотт-рам учил: «Доверишься разуму – останешься слеп, доверишься интуиции – узришь величие Сароса».

И она доверилась...

Одним махом перескочив через поручни, бросилась в отходивший от площадки коридор. Она досконально изучила план этой половины замка, и знала его как свою ладонь.

Санхи молча последовали за ней. Они были проворнее и быстрее, убежать от них было бы не так просто, если бы от коридора, оканчивавшегося оконным проёмом, не отходило ещё два. Нира прекрасно знала это, а ещё она знала, что правый коридор ведёт на вторую лестницу, а левый, как и предыдущий, заканчивается окном, но выходившим не в зияющую пустоту ночи, а на крышу пристройки.

Чёрные одежды и плотно задёрнутые шторы сыграли свою роль, и ей удалось незаметно проскользнуть в темноту левого коридора.

Расчёт был прост: санхи, скорее всего, уже поняли, что беглянка неплохо ориентируется в храме и, руководствуясь здравым смыслом, выберет правый коридор, ведущий к выходу. Нира знала, что этим манёвром ей не удастся обмануть жрецов, но выиграть хоть немного так необходимого ей времени она наверняка сможет.

Несколько раз с размаху она ударила рукоятью кинжала в оконную створку: звякнув, отлетел в сторону хлипкий шпингалет, запрыгал, закружил по полированному мрамору.

Нира, убрав кинжал, распахнула створки окна, выглянула наружу.

Вдоль стены тянулся узкий выступ шириной в четыре ладони, на нём сучали несколько каменных горгулий и с десятков злющих корред⁹ с шипастыми дубинками в коротеньких ручках.

«Чего только санхи не напридумывают, чтобы народ пугать!»

Она оглянулась и, приободрённая тем, что преследователи ещё не показали из-за поворота, перебросила ноги через подоконник и выскользнула наружу. Прижалась спиной к стене, посмотрела на всё ещё опущенный мост, по которому попала на храмовый остров, увидела, как блеснули звёзды, отражаясь в наполняющей ров воде. Она быстро отодвинулась от окна, и, обогнув изрядно загаженных птицами хищно оскалившихся горгулью и химеру, стала продвигаться вдоль узкого выступа в сторону пристройки. Когда она преодолела две трети пути, из окна позади неё высунулся один из санхи, у него были отвратительные красные глаза, на щеке расплылось тёмное родимое пятно с блюдце величиной.

– Элла асс тэя эукс аш саташ! Кей ат тараш эукс аш сарратаг! – прошипел красноглазый, царапая ногтями резной пилон.

---

⁹ Корреды – разумные создания, горбатые карлики, обладающие магическим даром.

Нира отчаянно выругалась, она прекрасно поняла жреца, он говорил на кринти. И то, что он произнёс, никак не могло её порадовать. Красноглазый угрожал, обещая, что когда поймает её, отдаст на растерзание голодным треххвостым крысам.

Это было не хорошо – даже представить себе такое было мерзко и противно, а самое страшное было в том, что жрец и не шутил вовсе.

Она первый раз за всё время опустила голову и посмотрела под ноги, отсюда было видно всё, что происходило внизу: двор, фонтан со статуями, толпа людей с факелами много-много санхи.

«Высота – локтей тридцать-сорок».

– Я не должна бояться, – прошептала она и тут же, утвердившись, повторила громко и уверенно: – Я не боюсь.

Ночь разорвало ударами набата, заглушив слова.

«Началось!»

Красноглазый уже вылез на парапет. Он осторожно переставил ноги, прижался плечом к стене, перешагнув через гаргулюю и, обняв химеру, отчаянно потянулся к Инирии рукой. Отчаянно потому что девушка была уже достаточно далеко чтобы о нём беспокоиться. В это же мгновение распахнулись сразу два окна: одно слева от неё, другое правее и этажом выше. Боковым зрением Нира видела тени, отделявшиеся из смолисто-чёрной пустоты. Свет от факелов внизу не доставал до них, он освещал два, от силы три первых ряда окон. Они же находились между четвёртым и пятым этажами. Преследовавшим Ниру жрецам, в пылу погони, вероятнее всего, было не до свечей и светильников. Беглянка почувствовала, как зазвенело у неё в ушах, как задрожали пальцы и зашло комариными укусами лицо: кровь запыхлала адреналином. Такого захватывающего приключения у неё ещё никогда не было.

Она задержалась лишь на мгновение, с недоверием, взглянув на ненадежную черепицу, усмехнулась азартно и, игриво поманив пальчиком, вжавшегося в стену лопатками красноглазого, крикнула ему на кринтийском:

– Кьош лэт ситри¹⁰, – обворожительно улыбнулась и, взметнув за спиной плащ, безбоязненно прыгнула вниз.

К тому времени, как жрецы выбрались на крышу, Инирия опередила их шагов на тридцать. Она неслась вперёд, серой тенью, стремительно словно дикая птица, мелькая на фоне чёрного бархата неба, усеянного равнодушно мерцавшими звёздами.

...Высокие Геверские дома стояли тесно, плотно прижимаясь один к другому. Их крытые сланцем и светло-коричневой черепицей крыши, разделённые узкими улочками, походили на медовый пирог, заботливо порезанный перед подачей на кусочки.

Один из преследователей – санхи-лучник – опустил на колено, вздёрнулся, прицелился быстро и дважды спустил тетиву. Он был меток – одна стрела, взвизгнув чуть правее плеча Инирии, ушла в темноту впереди, вторая чиркнула по предплечью. Девушка вскрикнула, скорее от неожиданности, чем от боли, неловко зацепившись за край черепицы, подсекла ногой ногу и кубарем покатила вперёд и вниз.

Санхи успел выстрелить ещё раз, но поразить тень, в хаотичном вращении скользившую по самому краю крыши, было из разряда невозможного, и он промахнулся.

Инирия же спаслась от неминуемого падения просто чудом, даже сама не поняла, что с ней произошло. Какая-то сила ласково подхватила её и аккуратно поставила на ноги. Всё вышло так просто и естественно, как бы само собой, будто так и было задумано. На самом же деле она сильно перепугалась за те короткие мгновения, что кувырком неслась к краю крыши.

«Фух! И тут повезло!»

---

¹⁰ Кьош лэт ситри – «попробуй догони» на кринтийском.

Мягко, по-кошачьи, оттолкнувшись от черепицы кончиками пальцев, она, хоть и была на «неверных ногах», умудрилась продолжить бег – припустила пуще прежнего, попутно костеря санхи и вознося панегирики Великим Первым и Вторым Богам.

Даже после, вспоминая произошедшее, Инирия так и не смогла понять, как ей удалось вывернуться, сотворив такой головокружительный кувырок. Но всё это было лишь малой толикой из того, что в ближайшее время ей предстояло узнать о везении и расположении Богов.

Она неслась вперёд, лёгкая, быстрая, почти незаметная, мелькая меж каминных труб и перескакивая с крыши на крышу, взлетая и паря над узкими ущельями улиц. Её преследователи, судя по отдалявшимся голосам, сильно отстали, когда она ощутила пробиравший до мозга костей холод – на неё надвигалась настоящая пропасть.

«Локтей пятнадцать, навскидку. Не меньше! Сдохну, но не дамся!»

Хотя следующая крыша и казалась недостижимой, Нира знала, что, скорее, умрёт, чем остановится и отдастся в лапы жрецов. Она видела, что маячившая впереди крыша находится ниже, чем та с которой ей предстояло прыгать, и решила что рискнёт.

«Да не может со мной ничего плохого случиться!» – Хоть бей, хоть режь, а вот было у неё такое чувство.

Край крыши и зияющая за ним пустота стремительно приближались.

Понимая, что любые сомнения сильно уменьшают шансы на успех, Нира отогнала от себя мысли о возможном падении и прыгнула.

Плащ её взметнулся подобно крыльям, и некоторое время она в буквальном смысле летела как птица, слыша свист ветра в ушах и удары бешено колотившегося сердца в груди. Глаза её слезились, дыхание остановилось... Время замедлилось и стало тягучим и вязким...

Мало того что Инирия благополучно достигла соседней крыши, но даже умудрилась приземлиться на ноги и устоять. Балансируя на самом краю, она едва удерживала хрупкое равновесие. Мельком оглянувшись, успев охватить взглядом крыши соседних домов, по которым, спотыкаясь, бежали жрецы-санхи, полы их плащей развивались и хлопали как крылья ночных птиц.

Сверкнули, отражая свет Оллата, стрелы. Всё мимо. Несколько черепиц соскользнули из-под её ног и вдребезги разбились о булыжную мостовую.

«Вот это да!»

Нира удержалась, раскрывшись, и с трудом, правда, понимая, что делает отчаянно завращала руками. Тем не менее это помогло, и, наконец, почувствовав, что её больше не тянет вниз, она гордо улыбнулась самой себе и сделала робкий шаг вперёд. Руки и ноги дрожали от напряжения, под чёлкой выступила холодящая лоб испарина. Тут же, не доверяя своей удаче, Нира оцупала себя – всё, хвала Великим, на месте.

Перевела дух.

«Дура ты, Нирка! – голос разума одарил её мысленной затрешиной. – Не будь ты такой мелкой и везучей, пробила б крышу насквозь да все кости себе попереломала!»

– Ага, – на выдохе согласилась Инирия, и её передёрнуло от ужаса. Она остро осознала, насколько близко к смерти находилась. Но оправдываться, а тем более спорить, ей не хотелось, вместо этого она сделала несколько неверных шагов, отходя от края, и взглянула через плечо, всматриваясь в темноту.

Погоня отстала.

Похоже, среди санхи не нашлось смельчаков, способных повторить эдакое, и немудрено.

Инирия неторопливо перевалила через конёк и подошла к стене соседнего дома, стоявшего почти вплотную. Вгляделась в щель улицы: та была узка настолько, что вряд ли могла служить проходом для более или менее дородного человека. Она пнула ногой осколок черепицы, и тот слетел вниз, несколько раз попутно ударяясь о стены. Опершись ногой о вбитый в пилон металлический штырь, она нащупала пальцами углубления в кладке, и словно ящерка шуст-

рая, в мгновение ока, взобралась на парапет. Прошла по нему с десятков шагов, до поворота, и, присев на корточки, сползла вниз по скату. Добравшись таким образом до края крыши, она, бесшумно и незаметно, используя в качестве лестницы зубчатую каменную кладку фронтона, тянувшегося почти до самой земли, грациозно и бравурно балансируя руками, сошла прямо в густые заросли терновника.

«Скучно тебе? Ты ещё станцуй и песенку спой, а то ведь тебя никто не видит и слышит!» – упрёкнул хозяйку, ставший чересчур вредным и назойливым внутренний голос.

Инирия фыркнула:

– Отстань, – шепнула она, нащупывая карибистолу Орна, и незлобиво добавила: – Зануда.

Далёкие голоса санхи постепенно затихали, преследователи, похоже, и вовсе отстали, потеряв надежду догнать воришку.

Оглянувшись, Инирия увидела за спиной высоченные башни храма Ткавела, построенные так близко друг к другу, что возникало ощущение, будто они срастаются в вышине. Восьмиугольные сооружения, казалось, пронзали тучи и царапали небо.

«Это ещё что такое? Это не я!»

Стены и крышу здания храмовой библиотеки охватило алое пламя. Оно бесновалось на фоне диска Оллата и тянулось к холодным звёздам, красноватой рябью играя на чёрных водах рва.

«Не я!»

Пригнувшись, Нира побежала по тёмным улицам Гевера, постоянно оглядываясь и ловя каждый звук.

Она бросилась в сторону конюшен, где оставила свою кобылку. Выбрала самую дальнюю, но вполне безопасную дорогу, помня, что длинный путь частенько бывает самым коротким, так как по нему не разгуливают санхи и городская стража.

Глава 8. Узун

Вечер опустился на Ойхорот, день угасал на западе. Дождь шипел в огне закопченных чаш, висевших на колоннах по обеим сторонам моста, ведущего в крепость. В отблесках трепещущего пламени мокрые камни, блестели и казались багряно-чёрными.

Узун встречал Тэйда и Саиму хищным оскалом оцетинившегося шипами подвесного мостка в начале виадука и суровыми взглядами бойниц северного донжона.

У ворот дорогу им преградили трое угрюмых, закованных в броню стражников, и рыцарь на караковом жеребце.

– Кто такие? – властно пробасил он, осматривая юношу, онталара и пееро, который в ответ с любопытством взирал на него.

Саима и Тэйд почтительно поклонились.

– Саима са Вир.

– Тэйд са Раву к вашим услугам, господин.

– Комендант крепости Узун – Феарк Наурт, – он перегнулся через луку и, близоруко сощурился, оглядел путешественников. – Откуда и куда следуете?

– Были по делам в Двух Пнях, – начал объяснять Саима, – теперь вот возвращаемся домой в Триимви.

Его ответ и поведение, казалось бы, удовлетворили коменданта. Он ещё раз внимательно осмотрел путников, видно, пытаясь вспомнить, видел ли он их раньше.

«Похоже, не вспомнил».

– По пути на нас разбойники напали, – проямлил Тэйд, – еле ноги унесли.

– Ага, – кивнул Саима. – Кьяльсо.

– А вот это интересно, – Феарк махнул стражникам, отдавая приказ пропустить. – Только это не настоящие кьяльсо были.

– Не настоящие?

– Настоящие кьяльсо вас так легко не отпустили бы. – Он ещё раз взглянул на Тэйда и произнёс, обращаясь к Саиме: – Другу твоему цейлер нужен – вид у него крайне нездоровый. Могу своего оруженосца отрядить, он у меня искушён в лекарских делах, а лучше обратитесь к северянину, что поутру с караванчиком прибыл. Как отдохнёшь немного, приходи с докладом – расскажешь о нападении. Особо не тяни, жду тебя часа через полтора – два. Страже скажешь, что ко мне, они проводят.

Он развернулся, давая понять, что разговор закончен, и направил каракового вдоль стены.

***

Они расположились в небольшой комнатке с окнами на северный мост. Оставили вещи и спустились в общий зал, который был почти пуст. Сели у окна, из него был виден двор и башня, Саима достал трубку и кисет.

– Немного тут постояльцев, – сказал он, выпуская Вира из рукава.

– Не похоже, что хозяин жирует, – согласился Тэйд.

Через минуту появился хмурый и не очень опрятный трактирщик, принял заказ и быстро, несмотря на хромоту, удалился на кухню.

Подлетела служанка – круглолицая, розовощёкая феаса, симпатичная, даже по человеческим меркам, если, разумеется, вам по душе такие задорные рыжеволосые пухляшки, с типичными для всего феаского племени ушками, формой напоминавшими лист дииоро, и огромными изумрудными глазами.

Стол быстро заполнился тарелками: горячий винегрет по-кейнэйски, мелко нарубленные кусочки мяса с хлебными кольцами, тушёные и свежие овощи, два стакана тыквенного сока.

Неторопливо приковылял трактирщик.

– Иди, – буркнул он служанке и уселся за соседним столом, явно рассчитывая на беседу.

– А что, уважаемый, лекарь, который в обед приехал, ещё здесь? – Саима с жадностью, достойной феа, разодрал ржаное колечко.

– Здесь. Где ж ему быть. Позвать?

– Потом. А он как вообще, ничего?

Брови хозяина взлетели в непонимании.

– В смысле?

– Лекарь нам нужен, – хрустя луковицей, пояснил Тэйд.

– А-а, – протянул трактирщик, – ничего так – обходительный, дело своё знает. Тётку Крушу, местную кастеляншу, попользовал: у неё два пальца на ноге срослись – разделил, да быстро так, сноровисто. Кузнеца Бетза опять же подправить успел, у того боли в пояснице были и два зуба лишних. Гнилых. Давно кузнец мучился, а сам себе рвать боялся. Как другим частокол проредить, так он первый, даже если и не болит ничего, а себе боялся, всё терпел, выжидал... Таки дождался. Вырвал северянин гнилушки его – как не было. Оба: что Круша, что кузнец – его хвалят, говорят, не больно было, да взял недорого. И всё это за каких-то полдня, что он здесь.

– Ну, коли тётку Крушу попользовал, – улыбнулся Саима, – значит, живодёр знатный. А зовут его как, уважаемый?

– Билу.

– Да чтоб меня! Он уже здесь, стервец.

– Знакомы? – удивился трактирщик.

– Немного.

– Так что, позвать?

– Не-не, не надо.

Трактирщик, посчитав разговор неинтересным, а миссию свою оконченной, встал и заковылял к стойке. Саима и Тэйд накинулись на еду – ещё бы: после трёх полугодовых дней проведённых в горах, оба они чувствовали волчий голод и готовы были опустошить все кладовые Узуна.

К слову сказать, эта неожиданная прогулка пошла Тэйду только на пользу – кризис миновал и теперь он чувствовал себя вполне даже сносно. Конечно же, ехать днём на телеге по тракту куда как лучше, чем скакать по горам козлом или продираться через ночной лес. Но благодаря свежему воздуху свободы, Тэйд больше не чувствовал, как цепи сжимают его рёбра, а шипы впиваются в бока, но уж коли довелось вспомнить об этом, он давно привык к веригам и уже не испытывал дискомфорта и боли от ран.

– Скромно, но питательно, – резюмировал Саима, притягивая к себе тарелку с мясом, – мне начинает здесь нравиться. У тебя всё нормально?

В выведшем его из состояния задумчивости голосе Тэйд почувствовал трогательное участие.

– Да, – встрепенулся он, – благодарю, всё хорошо.

С ужином было покончено и Саима предварительно, выкурив трубочку, и обсудив с Тэйдом что будет говорить, засобирался на встречу с комендантом.

***

– И ты здесь?

Тэйд поднимался по лестнице и был так погружён в свои мысли, что вздрогнул от неожиданности, едва не налетев на имперца, возникшего из темноты коридора.

– Ну... да, – захолопал он глазами.

– Чарэс Томмар, – поспешил напомнить своё имя тот. – А ты – Тэйд, так ведь?

Тэйд кивнул. Этого человека он видел пару раз в «Лисе и Ягнёнке» но никак не ожидал встретить его здесь. Имперец, похоже, был удивлён не меньше, во всяком случае, преподавал это именно в таком ракурсе.

– Скоры вы на подъём, как я погляжу... Ты же с другом был? Саима, если мне не изменяет память? Ученик мага. Где он, кстати? Постой-постой, это не его я сейчас в окошко видел? Точно его, – Чарэс хлопнул себя ладонью по лбу. – То-то, я гляжу, походка знакомая. Шустрый у тебя дружок и весёлый. И куда вы теперь? Запад? Восток? Мне вот в Триимви надо, – продолжал он, не отпуская инициативу, – не желаете компанию составить? Ты поужинал? Вижу, что да, а я вот ещё нет. Проголодался, жуть как.

Обилие тем и вопросов, заданных одновременно, казалось, должно было смутить всё ещё находившегося в прострации Тэйда, но тот факт, что имперец сам же на них и отвечал, вполне его устраивало. С одной стороны, до ужаса не хотелось показаться невежливым, с другой, не было никакого желания вступать в беседы с малознакомым чужестранцем (а именно к таким он и причислял Чарэса Томмара).

– Ну, так что? – не унимался словоохотливый северянин. – Вместе поедем или врозь? Да расслабься ты, – он панибратски хлопнул Тэйда по плечу. – В общем, имейте в виду, я денька через два тронусь, если что, давайте в попутчики, буду рад. Как любит говаривать старина Хабуа: «Кто едет скоро, тому в дороге споро». Три к носу, дружище, – Хабуа плохому не научит.

Он залихватски щёлкнул пальцами, запуская в воздух деревянную застёжку-фибулу. Тэйд видел такие – в «Лисе и Ягнёнке». Дикс – старший сынок трактирщика Барга – увлекался резьбой по дереву и плодил застёжки, подобные этой, в превеликом множестве. Трактирщик занятие сие поощрял, благо, что в музы сынку подрядились не какие-нибудь полногрудые девицы, а невинные, незамеченные в развратных деяниях зверюшки – Ягнёнок и дружок его Лис, – а посему Барг держал поднос с горой застёжек (в целях повышения привлекательности заведения) на раздаточной стойке.

– Мы подумаем. – Тэйд подхватил прилетевшую ему прямо в руки фибулу.

– На память о «Лисе», – подмигнул Чарэс и довольно ощутимо хлопнул Тэйда по плечу. – Заходи, если что. Третья справа дверь моя. Саиме привет...

Едва он исчез, как от стены напротив отделилась квадратная тень.

– Не слишком ли много совпадений? – пробурчал Крэч, протягивая Тэйду огромную лапищу.

«Что есть, то есть!»

– Мы знакомы?

– Нет. Вассега Лосу – купец из Досара, – подчёркнуто церемонно представился феа.

– Совпадений действительно чересчур много, – согласился Тэйд, подразумевая как раз явление феа из северного городка Досар, а вовсе не Чарэса. «Этот, интересно, последний на сегодня, или ещё кто будет?»

– Скользкий тип...

– С чего это вы взяли?

– Не знаю, рожа мне его не нравится. Ты его хорошо знаешь?

– Совсем не знаю... Извините, уважаемый Вассега, давайте начнём с того, что я вас не знаю и не намерен обсуждать с первым встречным... – вспыхнул было Тэйд, который вынуждено был извлечён из кокона своих мыслей, где пытался удержаться всё это время.

Но тут же был остановлен тихим и проникновенным:

– Да не кипятись ты. Саима-то где?

– Саима? – окончательно растерялся Тэйд. – У... у коменданта.

– Ага. У Феарка, значит. Это хорошо. Я бы на твоём месте с этим вот не особо якшался. Скользкий он какой-то, одно слово – имперец. Не люблю я их, хоть и в Досаре живу. Ничего, я к нему присмотрюсь, уж будь покоен. Если что не так, так я это... – он сморщился и потёр мочку уха. Но решив, видимо, не углубляться в подробности и не уточнять, что случится с имперцем, если вдруг что-то пойдёт «не так», неожиданно сменил тему: – Скучно тут, особенно вечерами. Заходи, что ли – кубиками погреем. С Саимой и заходите. Или с Билу...

«Он и о Билу знает?»

– Третий этаж, последняя дверь слева, у окна. Там его найдёшь, – сообщил феа и, сделав шаг назад, растворился в темноте.

«Что это было?» – поскрёб темя Тэйд, крутя в пальцах деревянную фибулу с резным изображением Лиса и Ягнёнка.

Хотел было выбросить в задумчивости, но вовремя спохватился – память как-никак.

***

Феарк встретил Саиму в небольшом зале – на втором этаже казармы, куда вёл отдельный вход. Зал украшали боевые знамена и круглые геральдические щиты. В стойках томились, ржавая, копья и алебарды. Вдоль стен расположились массивные дубовые тумбы и сундуки, украшенные резьбой и орнаментами.

Феарк выслушал Саиму внимательно. Во время рассказа в задумчивости теребил рыжую бороду и поглаживал иссечённую шрамами щёку. Он постоянно его переспрашивал и иногда уточнял подробности. После описания внешности Левиора Ксаладского жестом руки сделал знак, призывая остановиться, и подозвал слугу:

– Тримо ко мне, да поживее! – отдал приказ Феарк. – Прошу меня извинить, это не займёт много времени.

Действительно, спустя пять минут на пороге появился молодой человек, хорошо одетый, среднего роста с тонкими чертами лица. Светлые, средней длины волосы его свободно ниспадали на широкие плечи.

– Господин Тримо Игрис из дома Тиртфогаров. Саима са Вир – будущий маг, – представил их друг другу Феарк.

Саима встал и учтиво поклонился. Тримо приветствовал его лёгким кивком, исполненным такого достоинства, что не оставалось ни единого сомнения в знатности рода Тиртфогаров. Саиму даже удивила некая фамильярность, допущенная по отношению к Тримо Феарком.

– Выслушай его историю. Уверяю, она будет тебе интересна, – хозяин жестом пригласил Тримо сесть, указав на высокое кресло рядом с собой.

Кивнул Саиме:

– Прошу, повторите всё с самого начала...

***

Вернулся Саима далеко за полночь. И тут его поджидала приятная неожиданность: вместе с Тэйдом на пороге его встречал Билу.

– Кого я вижу! – распростёр руки северянин.

Они обнялись.

На небольшом столике, помимо колоды Иссальских листов, за игрой в кои Тэйд и Билу коротали время в ожидании Саимы, стояло блюдо с жареными каштанами и большой кувшин с элем. Северянин придвинул онталару укрытую шапкой густой пены кружку.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался Саима, предварительно сделав пару жадных глотков. – Что за кислятина? – щёки его раздулись, он выпучил глаза. – А? – спросил он, когда снова обрёл дыхание.

– Путешествую, – Билу отбросил волосы со лба и развёл руки в стороны. – Я как бы был немного удивлён, не найдя вас поутру в «Лисе». Вы даже не соизволили попрощаться, – он попытался изобразить обиду – получилось плохо. – Надеялся увидеть вас за завтраком, и вдруг выясняется, что вы исчезли, не попрощавшись и никого не предупредив.

– Неправда, я Баргу написал и плату за проживание оставил, – возмутился Саима. Вир на его плече согласно закивал.

– Да, я знаю, он мне сказал. – Билу скрестил пальцы рук, а на два больших оттопыренных опустил подбородок. – Так что у вас произошло?

– Долго рассказывать, может, завтра? – устало произнёс онталар – ему вовсе не хотелось в третий раз за вечер повторять поднадоевшую уже историю.

– Ладно, завтра так завтра. Знаете, кого я по дороге в Узун встретил? – Билу заглянул Саиме в глаза, ожидая от него закономерного вопроса «кого?», и, так и не дождавшись, изрёк: – Красотку Виретту и Вассегу Лосу. Саима, помнишь феа-купца, он ещё Два Пня третьего дня на уши поставил?

– Да ну? – удивился Саима.

– Так я его сейчас видел, – сказал Тэйд. – Это он мне, где твоя комната, показал.

– Погоди, это рыжий, что ли, такой, с заплетёнными в косички усами?

– Да нет! Длинные чёрные волосы – конским хвостом! Огромное такое кри! – Билу потряс руками, показывая, насколько огромное кри было у феа. – Две косы в бакенбардах, борода «букашка», видел, может, нуйарцы такие любят носить. Понял?

– Нет.

– Ну рука у него ещё деревянная, и...

– ...что?! – голос Саимы аж задрожал от перевозбуждения.

Пееро даже выронил доставшийся ему от хозяйских щедрот кусочек сыра, да так и застыл с открытым ртом.

– Правая рука... деревянная, – произнёс северянин, закидывая в рот один за другим два каштана, – что не так?

– Вот те на! Хорбутова плесень, Билу, ну как так-то? – прорвало Саиму. – Почему ты сразу нам не сказал, что у него деревянная рука?

Тэйд и Вир переглянулись, послечего оба уставились на Билу.

– Вы чего? – искренне удивился северянин, – не знали что ли?

– Нет! – Саима вдруг вспомнил, что действительно в те короткие моменты, когда ему доводилось пересекаться с феа, тот руку правую всегда за отворотом кафтана держал. – Понятия не имею, как остальные, но я так точно не знал. Вот ты как узнал, что она у него деревянная?

– Он сам меня попросил её осмотреть. У него в том месте, где кожа корой становится, какой-то грибок завёлся, и промеж пальцев плесень появилась. Я сказал, что не знаю, что делать, он отшутился, что, мол, надо ему было к садовнику идти, а не к лекарю.

– Ты серьёзно сейчас?

– Ну да.

– Билу, зад Хорбутов! Вот если он бы сам не попросил, ты бы догадался? Видел ты хоть раз, чтобы он этой рукой что-то делал на людях?

Вир соскочил с плеча Саимы на стол, подошел к Билу и заглянул ему глаза.

Северянин подумал:

– Не помню. А что такого-то я не понимаю, подумаешь деревянная рука эка невидаль.

– Да? Не знаю как у вас на севере, может каждый второй с деревяшкой вместо руки ходит, а я о таком раньше даже не слышал. Всё, Тэйд, слезай, приехали!

– Это Крэч?

– Крэч, кто же ещё, ты-то хоть не дуркуй.

– Погоди, а что же он нам не открылся?

– Откуда я знаю? Я Барга каждый день о нём спрашивал – не приехал-де уважаемый Крэч? Нет, говорит – гадина такая, – не приехал, – Саима вскочил из-за стола и, заложив руки за спину, принялся мерить комнатку шагами. – Всё! Провалили дело! Что я теперь Маану скажу?

– А я его давно знаю, – попытался оправдаться Билу, – ещё по Хартогу. Это я тогда руку его осматривал, а здесь он и взаправду её всё больше под плащом или за отворотом камзола держал. А мне и невдомёк.

– А где этот, с позволения сказать, Вассега Лосу, он же Крэч, сейчас? – спохватился Саима. – Тэйд, как давно ты его видел?

– Да уж порядком...

– Я его последним видел. После Тэйда. Он попрощался и сказал, что уезжает срочно, – доложил Билу.

– Как уезжает?! Куда? – Саима вскочил. Встрепенулся и Вир. – Я вниз, надо трактирщика о нём поспросить.

– У Феарка лучше, – кинул ему вдогонку Билу, – он-то наверняка больше трактирщика знает.

Глава 9. Шод Лас-Орубб

– Что заставило его сделать это, Странник?

– Страх.

– Это превышает мое понимание... Страх перед чем?

– Мой страх, проникший в его ум.

*Сто историй о Чёрном Страннике. Преподобный Вамбон
Акомирунг*

Последние звёзды уже растаяли в темноте неба, а немногие из припозднившихся посетителей «Трёх свечей» всё ещё наслаждались огнеподобным элем и прелестями местных красоток.

Вейзо коротал время, в ожидании рассвета наблюдая за одной молоденькой и весьма соблазнительной особой. Онталар то и дело прикладывался к объёмистому тыквенному бутылку и цедил из него скисшее козьё молоко, смешанное с какими-то травами. Напиток, скажем прямо, был ему отвратителен, но, по словам местного лекаря, притуплял боль и способствовал заживлению ран. В чём Вейзо после стычки с Крэчем особенно нуждался. Вот уже третью ночь как он не мог уснуть и отдыхал лишь урывками.

«Если сегодня не усну, – мрачно решил он, с трудом глотая мерзкое пойло, – я этого живодёра в козьём же молоке и утоплю!»

– Ктырь, ты? – раздался слева от него удивлённый оклик.

Вейзо едва не подавился. Он только начал поворачиваться, а липкие от молока губы уже произвольно шептали:

– Лесоруб? Шод, – тут же, в голос, с притворной сердечностью отозвался он, – здорова, бродяга.

– Привет-привет, – бойко подскочил к нему высокий светловолосый вартарец с почти мальчишескими чертами лица и двумя кружками, по одной в каждой руке. – Один тут? По делам, или как? Буссу будешь?

– Один. Без дела. Спасибо, не хочу, – о двоих оставшихся подельниках, давно накидавшихся и сопевших сейчас в небольшой и уютной комнатке на втором этаже «Лиса и Ягнёнка», Вейзо до поры до времени решил не упоминать.

«Послушаю для начала, что ты, друг мой ситный, скажешь».

– Тебя каким ветром сюда занесло?

Лесоруб одним духом опустошил кружку буссы, крякнул, утёр рукавом рот:

– Куда ветер дует, туда и тучку несёт. Работёнку тут одну работаем...

– Всё секреты, секреты, – Вейзо с ленцой потянулся.

– А, – отмахнулся Лесоруб, – какие, к Хорбуту, секреты. Подрядились для одного зарокыйского вельможи зверюшек диковинных отлавливать. Прибыльное дельце, я тебе скажу. И законное! – поднажал он на «законное», внимательно оглядывая перебинтованное предплечье, свежие шрамы и синяки на оплывшем лице Ктыря. – Опасное, но законное. Ты-то, я гляжу, резвишься аки молодой чиабу¹¹. Давай с нами, а? – предложил он. – У меня две недели назад одного ухаля волк шипун покалечил – недобор в команде... Хочешь, со своими ребятами познакомлю?

Вейзо безразлично пожал плечами, облизнул губы. Его взгляд скользнул за спину собеседнику: полуголая танцовщица, залиvisto хохоча, приклеивала к потной груди блестящие в свете светильников серебряные монетки. Пьянь вокруг неё ревела:

---

¹¹ Чиабу – синий кабан, опасное хищное животное.

– Ещё!

Лесоруб развернулся и издал странный шипящий звук, вроде бы тихий и никак не способный сквозь пронзить гудящее пространство зала, но всё-таки достигнувший пункта назначения и должное действие возымевший. Из-за дальнего стола поднялись три искажённые в неверном свете ламп фигуры и направились к ним.

– Мика Коготь, Нул, и Цицор, – по мере того как кьяльсо вырастали из полумрака, представлял подельников Лесоруб. – Это Вейзо, он же Ктырь, с ним, ребята, поосторожнее, тот ещё пырляла: у него ножей при себе больше, чем сосков у самки хошера¹², – ухмыльнулся он, радуясь удачному сравнению.

Развязный тон и удавшаяся шутка возымели действие – суровые лица кьяльсо смягчились. Они ответно покивали Вейзо и собрались было сесть рядом, но Лесоруб движением головы указал им на соседний столик.

– Там сядьте. Нам с Ктырём о делах покудахтать надо.

– Серьёзные у тебя воины, – губы Вейзо скривились в улыбке.

– Ума только у них ни понюшки, глаз да глаз за ними, – скупое оправдался Лесоруб. – Ну так что, ты со мной, брат?

«С тобой?! С этими вот упырями? Непостижимо. Быдло какое-то ты прикормил, Лесоруб, а не кьяльсо, вроде тех двоих, что при мне ошиваются. Отряд, свой собрал? Этим кьяльсо, прости Великий, одно дело без опаски доверить можно – быкам хвосты крутить, и то, что да как объяснять придётся. Настоящего кьяльсо не видно и не слышно. В шаге от тебя встанет, застынет – не ворохнётся, хоть толпу зови, ни один не разглядит. С места вверх на семь локтей сиганёт, часами будет стоять недвижимым, дышать как – забудет, под водой сутки просидит! По стене пройдёт, да что там „по“ – сквозь пройдёт. Спать надумаешь – подушку подправит, одеялом укроет и комариков отгонит – утром встанешь, голова твоя рядом, в ночной вазе лежит и глазами лупает! Вот какие, кьяльсо! А это... Эх, Лесоруб, Лесоруб – друг ты мой сердешный, лет семь... или все десять уже тебя знаю, а ты как был дурак дураком, так им и остался. Скажи спасибо, что мне пальчики твои чуткие могут пригодиться», – раздражённо подумал Вейзо, внешне при этом, надо отдать ему должное, оставаясь совершенно бесстрастным.

– Неинтересно, – с напускной небрежностью протянул он, мысленно перебирая возможные варианты развития событий. – Пыльца всё это.

– Дело верное, ты не спеши, Ктырь, – подумай. Вот смотри...

Не успел Шод изложить, в чём заключается работа и как за неё платят, а Вейзо уже решил, что будет делать:

«А зачем мне твои люди, друг Лесоруб? Не знаешь? Вот и я не знаю. – Он облизал кислые губы и поморщился: – Какую всё ж таки гадость пить приходится! Сейчас бы змейки или черепанца¹³ жменяю – вот было б тебе и средство от боли, и веселье до поросячьего визга. Так. О чём это я? А... Сам Лесоруб мне ещё пригодится: таких, как он, ломарей днём с огнём не сыщешь. Работает он изящно, качественно. И чегой-то он верное дело забросил? Правда, вот отряд смог сколотить, хушь и плохенький, а всё одно – молодец. Хотя сколько себя помню, неспособный он на это был. Вот и сейчас за пойлом сам бегал, будто послать некого: одно слово – телок мягкотелый... Замочки – да, кибийские или там вуртуахские, хочешь в пять пружин, хочешь в семь, это он как орешки шёлкает. Отрабатывает даже те, что с чарками, и неважно ему, сколько в замке секретов и ловушек, а вот отряд удержать – ни-ни. Не его это. Ничего, я ошибочку эту быстро подправлю. А рожи у евойных парней кривые... прям как у меня! –

---

¹² Хошер – хищное животное из породы кошачьих, размером ближе к медведю. Кожа хошера, волосы, а также чешуя, покрывающая грудь, лапы и хвост, славятся своей прочностью. Некоторые северные народы научились приручать хошеров и использовать в качестве верховых и боевых животных.

¹³ Змеиная травка – пыльца змеиноглавой лесянки, лёгкий наркотик. Черпуха (черпанец, черка, чуб-чуб) – тёртый панцирь большой артарангской черепахи. Сильно действующее наркотическое вещество.

мысленно зареготал он, внешне позволив себе лишь лёгкую тень улыбки. – Таких троих вместе собрать – ещё побегать».

За двумя соседними столами взвилось дружное:

Бей в барабаны варри-варра, варри-варра, варри-варра.
Распутная девка – дурная молва, дурная молва, дурная молва.
Про завтра забудь, оно сгинет в болотах,
где дремлет удача твоя – недотрога.
Волки и вороны – вольные братья.
Эх! Веселись до утра!

Стукнули в стол кружки, ударили каблуки в пол:

Эх! Веселись до утра!
Бей в барабаны варри-варра, варри-варра, варри-варра.
Грусть и печали гони со двора, гони со двора, гони со двора.
Пей всю ночь, танцуй до рассвета.
Завтра не будет, вчера уже нету.
Набухли карманы от звонкой монеты.
Эх! Веселись до утра!
Эх! Веселись до утра!

В сознании Вейзо всплыла вместительная, под завязку набитая имперскими рэлами шка-тулка Чарэса, а ещё огромный сундук в кабинете кезнтора Венсора ра'Хона, подсмотренный Ктырем по неосмотрительности евойного казначея.

Бей в барабаны варри-варра, варри-варра, варри-варра.
Что этой жизни – глоток или два? Глоток или два, глоток или два?
Вплети в косу кри и на счастье монету
Девчонке оставь, чтоб вернуться с рассветом.
Она будет ждать, душу ей согревая.
Эх! Веселись до утра!
Эх! Веселись до утра!

– Слушай, Ктырь, я сейчас опишу тебе одного человечка...

Вейзо отвлёкся от своих мыслей, окинув Лесоруба пронизательным взглядом:

– Опиши.

– Среднего роста, жилистый, возраст ближе к тридцати, волосы каштановые. Губы узкие, нос курносый, глаза карие... Что ещё?... – он усмехнулся. – Вот же бестолочь, главное не сказал! Ожоги, вся левая половина лица и руки немного. Зовут Чарэс Томмар. Не видел такого здесь?

Дело принимало неожиданный оборот: похоже, Лесоруб и его отряд должны заменить неугодного больше Вейзо и его людей. Это придавало ситуации остроты и пикантности.

Последовало долгое молчание, пока Вейзо переваривал сказанное.

«Эти трое мне не нужны, но и Чарэсу, какие б они там ни были, я их не отдам, – отправлю лучше к праотцам, пусть их Боги переучивают, может, руки в нужное место вставят, тунейдцам. А „обожжённый“ будет в следующий раз думать, как на Вейзо Ктыря орать. Сопля неразумная... А, может, пусть живут? – мелькнула нежданная мысль. – Не. Нечего им свет поганить. Мы вдвоём с Лесорубом таких делов наворотим. Вскроем сундучишко, подчистим и на Ногиол или Ситац гулеванить. Наобещаю Лесорубу с три короба, он для меня будет землю рыть – я

его телячью натуру хорошо изучил, он мою – волчью – тоже усёк. Дёргаться не будет – кишкой слабоват. С него новый отряд и зачну собирать. С Лесорубовыми пальчиками мы такие деньжищи поднимем, что пол-Таррата под нашу дуду плясать будет. Тебя, Шод Лас-Орубб, мне сам Хорбут в подмогу послал, так что не упирайся, друг сердешный, расслабься и наблюдай работу мастера».

Помимо этой, была у Вейзо и другая цель – Крэч. «Злобный карла», как он его про себя называл, убил двоих его лучших людей. И позволил себе не умереть, когда ему было сказано; мало того, решился посмеяться над Ктырём.

«Выкидыш жабий, удумал со мной шутки шутить. Такого я никому не прощаю, окараю гниду коротконогую по полной. Эту тварь я обязательно отыщу, любой ценой, и придушу голыми руками. Тем паче, что феа, похоже, и сам не против повторного сряща. Как там карла сказал: „Считай, что одну смерть ты оплатил, за тобой ещё две“. Хорошенько запомни эти слова, Вейзо Ктырь. И вбей их этому недоноску в глотку, пусть знает, что ты всегда долги возвращаешь!»

– Приметная, должно быть, внешность, – сказал он, всё хорошенько обдумав. – Нет, такого я здесь не видел.

– Найти мне его надо и побыстрее. Это человек господина, на которого я работаю. Я должен получить у него указания о дальнейших действиях и оплату. Вперёд.

– Много?

– А ты с какой целью интересуешься?

– Да так, не хочешь – не говори.

– Решайся, Ктырь. Боги, каким ты всегда был тугодумом!

«Забавно слышать такое от тебя, Шод. Уж кто из нас тугодум, так это ты», – вертелось у Вейзо на языке, но он сдержался и неопределённо пожал плечами.

– Надо подумать, – он почесал бритую ниже кос на затылке шеи.

Наступало время решительных действий, тянуть дольше было нельзя.

«Нечего тут думать – сделаю всё этой ночью», – наконец, решился он.

– Мы спать, Лесоруб, – Коготь, Подкова и Танцор поднялись из-за стола.

– Наврал я тебе, Шод, – не один я, – тихо сказал Вейзо, когда эти трое ушли. Его вкрадчивый голос стал похож на скрип кожаного доспеха. – Двое ещё со мной: Экзор Ступа и Чаач Сухая рука.

– У вас здесь дела?

– Нет, дела закончились.

– Я их не знаю, откуда они? Кто, что? Расскажи, – Лесоруб испытующе посмотрел ему в глаза.

– Наши, ногиольские: Ступа из Лесных братьев, из Верети; Чаач...

– ...из Лидара?

– ...Чаач из Лидара, – подтвердил он. – Где нуйарца на Ногиоле искать, если не в Лидаре.

– У него что-то с рукой?

– Всё в порядке у него с рукой. Даже не знаю, откуда такое прозвище.

– Давно я в Верети не был, – вздохнул вартарец, – не знаешь, как там Арай Веат поживает?

– Хорошо поживает, чего этому старому козлу делается.

– В общем, так, Ктырь, – я своё слово сказал, эти двое лишними не будут. Тебе решать.

Онталар помолчал с минуту, изображая сомнения и напряжённую работу мозга.

– Хорошо, Шод, я и мои ребята с тобой. Посмотрим, что за дело ты предлагаешь.

– Вот и отличненько, – ударил кулаком в ладонь Шод. – Вспрыснем? – он махнул рукой, подзывая разносчика, сделал заказ жестом. – Ты где остановился?

– В «Лисе и Ягнёнке», – не моргнув глазом, соврал Вейзо и пояснил: – Сюда к лекарю приходил, да вот засиделся.

– Надеюсь, ничего серьёзного.

Вейзо тряхнул головой и отшутился:

– Так, пыльца. Деваха одна поцарапала.

– Познакомь.

– Запросто.

– Нас здесь всегда найдёшь, – в голосе Лесоруба послышались властные нотки...

«Вона как ты запел?» – подивился Вейзо, тщетно пытаясь выдоить хоть каплю «кислюка» из опустевшего бутыля.

– Где ж моя бусса плутает? Хорбутова дыра! – нетерпеливо рявкнул Лесоруб. – Второй этаж, две последние комнаты по коридору, у окна. Моя – правая, я там один, остальные – в левой. Да где же он? – Лесоруб вскочил. – Сейчас я этому «торопыге» мозги-то вправлю. Посиди-ка пока, посмотрю, где моя бусса заблудилась.

Времени терять Вейзо не собирался, мгновенно отыскал глазами знакомую жрицу любви, что скучала в одиночестве, и, соскочив с табурета, ястребом метнулся к стойке.

– Лаппа, золотко, молчи и слушай, – он вложил в её ладонь три монеты, – это тебе. Сделаешь всё, как я скажу, получишь ещё столько же, – он сжал её пальцы. – С клиента возьмёшь, сколько сама знаешь.

– Ага, – согласилась расфуфыренная девица, глупо подведёнными таупом¹⁴ глазами моргая, – чего делать-то, Вейз, миленький?

– Тоже, что и всегда, – падать на спину и считать звёзды. Сейчас придёт мой дружок, Лесорубом кличут, так ты его это, под любым предлогом тащи в «Лиса» и ублажай до утра. Смотри, если до петухов я его здесь увижу – голову отверну. Тебе, тебе, – подтвердил он, ткнув в пышную грудь указательным пальцем.

– Так осталось-то всего ничего до петухов.

– Можешь попридержать, если понравится. И смотри, тихо мне – чтобы ни полслова. Давай работай, – он сглотнул слюну и, наградив прелестницу смачным шлепком пониже спины, за стол свой вернулся...

– Лаппа я, – обаятельно улыбнулась девица.

– Лесоруб, – насколько мог галантно, представился вартарец. – Повеселимся?

– С таким кавалером – да не повеселиться!

– Я Шод.

– Шод? – изумилась девушка.

– Шод Лас-Орубб, – подмигнул ей вартарец.

– Какая прелесть, – прыснула она, – Лаппа Лапушка и Шод Лесоруб, как это романтично.

– Что есть, то есть. В этом мы схожи, детка, – он поскрёб небритый подбородок и сменил тон: – Что сита пить будет? Иди, Ктырь, – махнул он всё ещё стоящему у стола онталару, – иди. Завтра поговорим.

– Как скажешь, Лесоруб, как скажешь.

***

Вейзо прильнул лбом к холодному стеклу окна. «Спят, как хорьки. Къяльсо, мать их». Он просунул нож в щель, пытаясь зацепить крючок, но неожиданно створки раскрылись сами, легко и бесшумно. Он ждал скрипа, но, хвала Великим, петли смолчали. С осторожностью мышкующего лиса Вейзо потянул правую створку на себя, оглянулся по сторонам и ловко перевалил через подоконник.

---

¹⁴ Тауп – серо-коричневый цвет.

Запустив руки крест-накрест под плащ, Вейзо, не издав ни малейшего звука, выдернул шесть (хитро меж собой по три сцепленных) зажатых меж пальцев ножей.

«Спите-спите, ребятки? Ну-ну».

Он мрачно улыбнулся и, широко разведя ошестинившиеся стальными когтями кулаки, мягко шагнул в темноту...

...На всё про всё у него ушло не более четверти часа. Теперь предстояло проделать тот же трюк со своими подопечными, и тогда они с Лесорубом останутся вдвоём.

«Свалю всё на карла, благо, разговоров по Двум Пням гуляло хоть отбавляй: о двух убитых в „Лисе и Ягнёнке“ кьяльсо, о внезапном исчезновении феа, ученика мага и его друга. Погоди-ка, – шикнуло в его голове, – не так скоро. Хорошо бы и Лаппу-потаскушку прибрать. Отправлю деваху ребяткам Лесорубовым вдогонку, будет им с кем в Нижнем мире покувыркаться. Такие, как она, больно на язычок слабоваты – будь у меня выбор, ни за что б не доверился».

Всего-то ничего оставалось Вейзо, чтобы скрыться за поворотом, как вдруг он услышал звуки крадущихся шагов. Боковым зрением уловил скользившее движение у себя за спиной, развернулся и с лёгкостью, отработанной годами, схватил нападавшего за запястье занесённой для удара руки. Тут же перехватив и вторую руку, опрокинулся назад, увлекая его за собой. Уперев обе ноги в живот, Ктырь сильным толчком перекинул грабителя через себя. Перелетев через Вейзо, тот ударился о стену и сполз по ней ногами кверху, головой вниз. Лицо его исказила гримаса ужаса, он не пытался подняться или кричать, лишь вскинул ладони, прикрываясь ими. Ноги его по-прежнему были задраны вверх и опирались о стену.

Ктырь вскочил – в каждой руке он держал по мётке. Два неуловимых движения – два броска, и ноги разбойника оказались надёжно пришпилены к брёвнам через ткань штанин.

– Я не хотел делать ничего такого, – тихо верещал парнишка, понимая, что шуметь ему не следует, – хотел заработать несколько монет.

– Это понятно.

– Я ничего не видел, – парнишка нервно облизнул губы.

– А вот это ты зря сказал, – спокойно заметил Ктырь. Он медленно подошел к поверженному противнику, склонился над ним и, отведя руку за спину, достал третий, более длинный нож с хищным иззубренным клинком.

– Я никому не скажу. Отпустите!

– Конечно, не скажешь.

Закричал петух. Вейзо напряжённо замер. «Как неумолимо летит время, когда-то и я был таким же молодым и глупым».

– Пора мне, дружок, не серчай, – мысленно выругав себя за малодушие, Ктырь привычным движением вонзил клинок жертве под рёбра...

...Скорченные трупы, распластавшиеся в заполнившей всё пространство комнаты луже крови, нашла жена трактирщика Фюта. На неудачливого парнишку-грабителя случайно наткнулся кузнец – Гиар Барси. Но прежде, чем явился прибывший ещё ранее из Узуна благородный господин Тримо Игрис с охраной, заголосили в «Лисе и Ягнёнке», где обнаружили ещё три тела: двоих заезжих брилнов весьма сомнительного вида и местного лекаря. А уже после, ближе к вечеру, ударились в слёзы и местные жрицы любви, наткнувшись на придуренную у себя в каморке товарку.

Жуткий, давящий, выворачивающий внутренности ужас повис над Двумя Пнями...

Глава 10. Хорбутовы зёрна

Тэйд завтракал, когда в зал вошёл молодой человек – с виду обычный деревенский парнишка в заплатанной суконной куртке и плотно обтягивавшей голову высокой войлочной шапочке. Он окинул залу беспечным взором, но, когда заметил Тэйда, уставился на него и смотрел с минуту, прежде чем стянул с головы шапку и подошёл. Он казался старше Тэйда, но держался неуверенно и робко. Помимо них, в зале был всего один человек – протиравший стол трактирщик, который ни на секунду не оторвал взгляда от тряпки.

– Не возражаете, уважаемый, если я присяду? – спросил парнишка и тут же нервно сглотнул. Он мял в руках шапку и озирался по сторонам, словно боясь чего-то.

Тэйд, несколько опешивший от такого обращения, кивком указал незнакомцу на стул.

– Прощу. Я уже закончил, – сказал он и хотел было встать, чтобы уйти, но незнакомец остановил его, схватив за рукав.

– Не уходите, прошу вас, – он так и стоял, согнувшись и не решаясь сесть.

– Как ваше имя? – спросил Тэйд.

– Моё имя? Зовите меня просто Лу. Э... это не моя идея, я должен передать вам это, – он выставил на стол склянку из матового стекла с причудливой крышкой и шестигранным оголовком.

Тэйд взял пузырёк, покрутил его, встряхнул, посмотрел на свет.

– Что это? Кто просил передать?

– Не знаю, – неожиданно парнишка развернулся и бросился к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.